

ИСТОРИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ НАРОДОВ

ОТ ПОДДАННЫХ
ЛИВОНСКОГО
ОРДЕНА
ДО НЕЗАВИСИМЫХ
ГОСУДАРСТВ

РАЙНХАРД ВИТТРАМ

Райнхард Виттрам

**История прибалтийских народов.
От подданных Ливонского ордена
до независимых государств**

«Центрполиграф»

1954

УДК 94(474)
ББК 63.3(451)4

Виттрам Р.

История прибалтийских народов. От подданных Ливонского ордена до независимых государств / Р. Виттрам — «Центрполиграф», 1954

ISBN 978-5-9524-5449-1

Автор, основываясь на малоизвестных исторических документах и исследованиях ряда ученых, рассматривает развитие прибалтийских земель, ныне Латвии и Эстонии, с конца XII и до начала XX столетия. Особое внимание уделяется роли германских рыцарей и немецких дворян, а также церкви, в создании государственности в этих регионах. Показано, как проявлялось влияние различных держав, в разные периоды господствовавших в Прибалтике. В этой связи особый интерес представляет раскрытие автором позиции прибалтийских немцев в отношении Российской империи, особенно после ее победы над шведами в Северной войне и начала реформ Петра I. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(474)
ББК 63.3(451)4

ISBN 978-5-9524-5449-1

© Виттрам Р., 1954
© Центрполиграф, 1954

Содержание

Предисловие	6
История возникновения названий государств	6
Старая Лифляндия в 1180–1561 годах	8
Страна и народы накануне эпохи миссионерства и завоевания (конец XII столетия)	8
Германские поселения в Лифляндии. Торговля и миссионерство.	14
Земля Девы Марии и новое имперское ленное владение	
Покорение и обращение в веру прибалтийских народов.	20
Правовое положение коренного населения	
Суверены и сущность немецких поселений	25
Борьба Германского ордена за господство в Лифляндии	32
Рыцарство. Крестьянство. Города	37
Борьба с внешними врагами	45
Эпоха Реформации	52
Закат старой Лифляндии. Прощание с империей	56
Роль Лифляндии и Эстляндии на Балтийском море в 1561–1710 годах.	63
Курляндское герцогство в 1561–1795 годах	
Борьба за господство в Прибалтике. Значение Нарвы	63
Господство Польши в Лифляндии и Контрреформация	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Райнхард Виттрам
История прибалтийских народов.
От подданных Ливонского ордена
до независимых государств

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

Предисловие

История возникновения названий государств

Три исторические области, о которых пойдет речь в этой книге, с XIII по XVII столетие имели одно общее название Лифляндия¹, территория которой в середине XVII века простиралась от Западной Двины до Финского залива, но затем постепенно сократилась до ее срединной части, сохранившей наименование Лифляндия. С конца XVI века ее северная провинция стала называться Эстляндия (в 1584 году княжество Эстляндия²), а южные области, Курляндия и Семигалия³, с момента их объединения в герцогство получили единое название Курляндия. Латвией же начиная с XIII века называли только область Верхней Латвии в центральной и восточной части Лифляндии, но с появлением латвийской письменности в XVII столетии это название стало распространяться и на районы проживания других латвийских племен. Однако первоначально под этим термином не понималось единое государственно-правовое или политическое образование.

Историческое деление части территории Прибалтики на три части – Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, сложившееся в ходе воздействия внешних факторов, после Февральской революции 1917 года в России сменилось разделением, как латышей, так и эстонцев, на две части. Однако во время немецкой оккупации прежнее историческое размежевание вновь вступило в силу, и в 1918 году возникли самостоятельные республики Эстония и Латвия, общая территория которых почти в точности соответствовала границам средневековой Лифляндии. С тех пор название Эстония стало обозначать государство, в состав которого вошли уже упоминавшаяся бывшая провинция Эстония и заселенная эстонцами северная половина провинции Лифляндия. Под Латвией же в соответствии с программой, выработанной младолатышами⁴ во второй половине XIX столетия, начали понимать название государства на территории бывшей Курляндии, то есть заселенной латышами области южной половины провинции Лифляндии, и район Латгалии⁵.

Название «Прибалтика» идентично употреблявшемуся в XIX веке термину «провинции Балтийского моря» и естественно соответствует понятию «балтийский». Оно относится ко всем территориям этого региона и отражает принадлежность к Балтийскому морю, поскольку к нему выходят непосредственно и Латвия, и Эстония, и Литва, последней из которых история уготовила особую судьбу.

С точки зрения развития исторических событий Прибалтийские государства, чьи территории лежали в границах бывшей Лифляндии, Эстляндии и Курляндии и которые стали называться Эстонией и Латвией, следует рассматривать отдельно. Сам же термин «страна Балтии» возник лишь в конце XIX столетия и первоначально означал родину балтийских немцев. То же

¹ **Лифляндия** – название, больше употребляемое в немецких источниках. В русской историографии эту территорию применительно к тому времени чаще называют Ливонией. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² 20 марта 1584 г. территории, аннексированные Швецией, были организованы как герцогство или княжество Эстляндия, а король Швеции получил дополнение в титуле «герцог Эстляндии».

³ **Курляндия и Семигалия** – вассальное от Великого княжества Литовского и пришедшей ему на смену Речи Посполитой герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии на территории исторических областей Курземы (Курляндия), Земгале (Семигалия) и Селия (Селония) с 1561 по 1795 г.

⁴ **Младолатыши** – латышское национальное либеральное движение, появившееся в 50-х гг. XIX в. и выступавшее против попыток ассимилировать латышское население с немцами и требовавшее для латышей равных прав с другими народами.

⁵ **Латгалия** – одна из историко-культурных областей Латвии, расположенная на востоке страны к северо-востоку от реки Даугавы и юго-востоку от рек Айвиексте и Педедзе.

относится и к названию «Прибалтика», произошедшему от связанного с морем слова «Балтия» и ставшего совокупно относиться ко всем прибрежным Балтике областям.

Прилагательное же «балтийский», кроме обозначения возникшей со времен позднего Средневековья принадлежности к морю (впервые это слово употребляется Адамом Бременским⁶), с XIX века приобрело более широкое значение и стало также характеризовать в филологии принадлежность к языковой общности. Поэтому термин «страна Балтии», так же как и «государства Балтии», без конкретного уточнения можно отнести и к Литве. Тем не менее литовцы, несмотря на определенные родственные связи в языке и происхождении с латышами, имеют свою отдельную историю.

Это короткое изложение фактов показывает, с какими большими трудностями придется столкнуться тому историку, который решится описать исторические события той или иной страны, начиная от сотворения мира до Нарвы и заканчивая 1918 годом. Наряду с оговоркой о трудном произношении местных названий, что может привести к неточностям, следует также уточнить, что их употребление могло быть ограничено как по времени, так и по месту, а также иметь совсем иное значение, чем сегодня.

Тем не менее нет никакого сомнения в том, что у Прибалтики была общая для всех Прибалтийских стран история. Кроме того, внимательное рассмотрение местных названий позволяет прийти к выводу, что она неразрывно связана с историей окружавших эти государства народов и империй.

Конечно, различные народы, проживающие в Прибалтийских странах, и их товарищества не смотрят на свою общую историю одинаково. Однако я знаю, что развитию того или иного государства, чья история характеризуется борьбой и совместным проживанием разных народов, может способствовать только взаимное уважение к совместно пройденному пути. С другой стороны, не стану отрицать, что и историк имеет право на любовь к своей отчизне. Ведь тот, кто любит свою страну, легко поймет и историю другого государства. А тот, кто понимает чужеземцев, будет стремиться к единению с ними. И разве есть что-то другое, в чем семья европейских народов нуждается больше?

⁶ **Бременский** Адам (дата рождения неизвестна, умер после 1081 г.) – северогерманский хронист, каноник и схоластик.

Старая Лифляндия в 1180–1561 годах

Страна и народы накануне эпохи миссионерства и завоевания (конец XII столетия)

Области, выходящие к заливам Балтийского моря, еще с каменного века на севере и юге были заселены племенами, принадлежавшими к разным языковым семьям. В частности, финно-угорские народы на севере, время переселения которых в эти районы трудно определить, в языковом отношении к индогерманцам⁷ не относятся. Восточно-балтийские же народности, от которых произошли литовцы и латыши, двигались с юга на север и к моменту рождения Христа уже перешли через Западную Двину.

Языковое разделение между литовцами и латышскими племенами произошло не позднее VIII столетия н. э. При этом племена, говорившие на латышском языке, с IX века расселились в их историческом месте жительства на территории, которую позднее стали называть Лифляндией. Однако еще в конце XII века латыши были вытеснены оттуда западнофинскими племенами ливов⁸ в Западную Лифляндию и отделены от побережья областью, где позднее возникла Рига.

Что касается эстонцев (эстов), то области их проживания включали на севере все приморские районы с примыкавшими к ним островами, а на юге охватывали значительную часть земель западнее Лифляндской Аа⁹, выступавших за пределы сегодняшней границы с Латвией. Они жили в племенных округах, между которыми поддерживались разносторонние связи, но без центрального руководства. Тем не менее принадлежность к единой общности ими осознавалась.

Родственные же эстонцам ливы группировались в трех областях – на побережье в районе морских бухт Рижского залива вплоть до диких мест севернее Сальме, на берегах Лифляндской Аа и в нижнем течении Западной Двины. Причем на восточных границах мест своего обитания они смешивались с соседними латышами, оставаясь с политической точки зрения самостоятельными, но подпадая под их заметное языковое влияние. Проживали ливы и на территории Курляндии.

В областях, занятых латышами, проживала также небольшая часть вендов¹⁰, в честь названия племени которых позднее и был назван город Венден¹¹. При этом следует отметить, что одни исследователи причисляют их к латышам, а другие – к народу воль. Отсюда можно предположить, что данная часть вендов к славянам не относится.

⁷ **Индогерманцы** – семья народов, определяемая так на основании языка. Все народы Европы, за исключением басков и финно-угорских народов, разговаривают на индогерманских языках. Родиной индогерманцев является, скорее всего, область между Центральной Европой и Южной Россией (в древнейшее время предположительно киргизские степи в Западном Казахстане).

⁸ **Ливы** – малочисленный прибалтийско-финский народ, предположительно прибывший в Прибалтику с восточного и северо-восточного направления. Ближайшие родственные ливам народы – современные эстонцы, с которыми ливы поддерживали хозяйственно-языковые связи до начала XX в., и финно-угорский народ воль, проживающий сейчас в нескольких деревнях Ленинградской области. Как полноценная и довольно многочисленная этническая община ливы сохранялись до XII в., после чего началась их постепенная этноязыковая ассимиляция различными балтийскими племенами, на основе которых сформировались современные латыши.

⁹ **Лифляндская Аа** – устаревшее название реки Гауя, протекающей в Латвии и являющейся частично границей с Эстонией.

¹⁰ **Венды**, также венеды или реже винды – средневековое германское собирательное название всех соседних немцам славян.

¹¹ **Венден** – первоначальное название латвийского города Цесис, основанного в 1206 г. рыцарями-крестоносцами.

Тогда латыши еще не представляли собой единый народ и были разобщены на множество отдельных народностей, управляемых князьями. При этом латгалы¹² проживали в областях Адзель¹³ и Толова¹⁴ на территории Восточной и Центральной Лифляндии, граничившей с землями ливов и растянувшейся в южном направлении до Западной Двины, где находились растворившиеся со временем среди латышей селы¹⁵.

Курши¹⁶ заселяли северные области. Земгалы¹⁷ же занимали земли бассейна реки Курляндская Аа¹⁸, объединявшие области Межотне¹⁹ и Тервете²⁰ и присоединявшие на западе районы, занятые селами. На юге оба этих народа граничили с литовцами. На западе под верховенством ливов жили родственные латышам куры – прибалтийское племя, занимавшее территорию до побережья Балтийского моря.

Социальное расслоение общества у всех этих народов и народностей было одинаковым. Над рабами и свободными членами общины возвышалась богатая и уважаемая всеми прослойка зажиточных крестьян, которыми управлял мелкопоместный дворянин, называвшийся, как следует из различных источников, «старейшиной». У эстонцев старейшины правили сообща, хотя очень редко один из них, как, например, Лембит, имел титул «высокого и старшего». А вот у ливов и латышей феодальные отношения развились рано. В их древних источниках правитель назывался «царем и старшим». Так, например, вождь ливов Каупо назывался «королем и синьором из Турайды», предводитель куршей Ламекин – «царем», у латышей Вестер, он же Вистхард, из Тервете – «королем», «принцем» или «вождем». Как свидетельствуют летописи, они обладали немалым состоянием. Например, у Талибальда из Толовы были внушительные запасы серебра. Таким образом, понятие «старейшина» в населенных латышами областях в конце XII столетия явно утратило свое первоначальное значение.

Эстонцы проживали в деревнях, а латышские племена – в хуторах. При этом основой всей их жизни являлось земледелие, дополняемое животноводством и пчеловодством. Важными промыслами выступали также охота и рыболовство. Развивались и ремесла, например художественнаяковка, литье из бронзы, а в домашнем хозяйстве – шерстоткачество, скорняжное и гончарное дело. А вот возведение каменных строений с помощью раствора им было неведомо. С железными же лемехами их познакомили только немцы. Старые ярмарки (у них не было средневековых городов, как в остальной Европе), воздвигнутые в важнейших морских бухтах, устьях рек и на переправах, как, например, Леаль, Реваль, Тольсбург, Махолм, Дорпат и Митава²¹ на Лиелупе, обеспечивали нужды внутренней и внешней торговли. Последняя заклю-

¹² **Латгалы** – этническая группа в составе латышей, коренное население Латгалии – историко-культурной области в восточной части Латвии.

¹³ **Адзель** или Ацель – исторические названия населенного пункта Гауйена в северо-восточной части Латвии.

¹⁴ **Толова** – в современной латышской огласовке Талава – северолатгальская область, граничившая с эстляндскими землями, где располагалось одно из первых феодальных княжеств на месте современной Латвии.

¹⁵ **Селы** – один из древнейших народов, проживавший, наряду с кривичами, земгалами, полочанами, летгалами и ливами, по Западной Двине.

¹⁶ **Курши** или куроны – западнобалтская народность, давшая название Курляндии и жившая в V–XVI вв. на юго-восточном побережье Балтийского моря на территории Курземе в сегодняшней Западной Латвии, в Западной Литве, а также на севере Калининградской области.

¹⁷ **Земгалы** – один из балтийских народов, живший на юге Латвии в Земгалии и на севере Литвы. Были известны своим продолжительным сопротивлением немецким крестоносцам.

¹⁸ **Курляндская Аа** – прежнее название реки Лиелупе.

¹⁹ **Межотне** – в настоящее время комплекс археологических и исторических памятников в верхнем течении реки Лиелупе в 70 км к югу от Риги.

²⁰ **Тервете** – главная крепость земгалов и резиденция земгальских вождей Виестура и Намейсиса. Ее местоположение достаточно точно локализуется на городище Цукуркалнс на правом берегу реки Тервете в 80 км от Риги.

²¹ **Леаль** – в настоящее время город Лихула в Ляэнеском уезде Эстонии. **Реваль** – он же Ревель, а ныне Таллин. **Тольсбург** или замок Тоолсе – самый северный и самый «молодой» орденский замок на территории Эстонии. **Махолм** – населенный пункт в Эстонии. **Дорпат** или Дерпт – позднее Юрьев, сейчас эстонский город Тарту. **Митава** – ныне город Елгава в Латвии.

чалась в основном в обмене сырья на соль и готовую продукцию. Так, пушнину и воск меняли на соль, оружие, шерстяные ткани и ювелирные изделия. Отмечалась также и работорговля. А вот письменность была им незнакома. Свидетельства происходивших событий начали записываться в летописях только с появлением немцев, которые в течение многих веков их и вели.

Все народы Прибалтийских государств на протяжении веков находились под северно-германским влиянием. И свое образным старинным языковым памятником таких отношений является происходящее из немецкого языка латышское название реки Западная Двина – Даугава.

Однако помимо готов на прибалтов оказывали влияние и викинги. Уже с 600 года н. э. корабли шведских королей начали бороздить просторы Балтийского моря. Шведы подчинили себе Западную Курляндию и воздвигли возле населенного пункта Гробиня²² замок Зеебург, откуда обложили местное население данью, а также начали вести торговлю.

Кроме Курляндии и Западной Литвы сильное влияние викингов отчетливо просматривается и в других местах Прибалтики – в Брамбергсхофе²³ на Западной Двине, возле города Сигулда в 50 км от Риги, где до сих пор можно увидеть развалины замка Трейден, построенного на берегах Лифляндской Аа, на эстонском побережье Балтийского моря, в Нарве и даже возле Изборска²⁴.

Викинги не только завоевывали прибалтийские земли и завязывали торговые отношения с их населением, но и проводили упорядочивание покоренных территорий. Об этом свидетельствуют вводимые ими территориально-административные единицы, управление которыми осуществлялось через замки.

Это напоминало принятую у них организацию самоуправления, устроенную ими не только в Исландии и Англии, но и в Курляндии. Позднее, после установления своего господства в Прибалтике, ее взяли на вооружение немцы, развив до монарших административных округов и перенеся впоследствии такое административно-территориальное деление на соседние области.

В Эстонии налоговые округа, называвшиеся килегундами²⁵, происходили тоже от викингов. О нормандском господстве напоминает и название «вакка» для налоговых сроков и налоговых округов, сохранявшееся до XIX века.

Русско-нормандское происхождение просматривается и в русско-латышском понятии «волость» («пагасц» по-латышски). Следы скандинавского влияния ощущаются также в названиях многих известных прибалтийских населенных пунктов, островов и областей, таких как Реваль (рифовое побережье), Даге, Эзель, Моон, Руно, Вик, Домеснэс²⁶, Заэборг (Зеебург) и, возможно, Трейден. Найденные на раскопках предметы, принадлежавшие некогда викингам,

²² **Гробиня** – город на западе Латвии в 11 км к востоку от Лиепаи. История поселения на месте этого города уходит корнями во времена эпохи викингов. Шведский археолог Биргер Нерман, проводивший раскопки в 1929–1930 гг., считал, что на месте Гробини в VII–IX вв. существовала крупная колония викингов, под защитой которой жили и возделывали землю поселенцы с Готланда. Здесь в 1245 г. был основан орденский замок Зеебург для защиты границ от Литвы.

²³ **Брамбергсхоф** или Даугмале – Даугмальское городище на левом берегу реки Западная Двина (Даугава) в 22 км к юго-востоку от Риги.

²⁴ **Изборск** – в настоящее время населенный пункт в Печорском районе Псковской области России, один из древнейших русских городов, упоминаемый летописцем как центр кривичского населения вместе со Смоленском и Полоцком.

²⁵ **Килегунде** – название административной единицы у древних куров, соответствовавшей волости.

²⁶ **Даге** – старое название второго по величине эстонского острова Хийумаа. **Эзель** – старое название самого большого в Эстонии и Моонзундском архипелаге острова Сааремаа. **Моон** – шведское название эстонского острова Муху в Моонзундском архипелаге. **Руно** – шведское и русское название небольшого эстонского острова Рухну в Рижском заливе Балтийского моря. В и к – старое немецкое название эстонского уезда Ляэнемаа, расположенного на крайнем западе материковой части страны и омывающегося с севера и запада Балтийским морем. **Домеснэс** – немецкое название мыса Колкасагс, расположенного у крайней северной оконечности Курземского полуострова в историко-географической области Курземе в Дундагском крае Латвии, имеющего стратегическое расположение у входа в Рижский залив Балтийского моря и название которого в переводе с ливского означает «острый угол».

отмечаются как находки по всему побережью Балтийского моря, начиная от северной части Эстонии и кончая Восточной, а также Западной Пруссией.

Однако находки предметов старины – оружия, украшений и орудий труда, применявшихся самими прибалтами, – свидетельствуют также и о влиянии на прибалтийские народы германцев.

Доисторические горы, на которых построено более 400 жилых замков и различных убежищ, подчеркивают явно скандинавское архитектурное решение при возведении крепостей. Обычаи эстонцев и куров, проживавших на побережье Балтийского моря, также весьма схожи с теми, которые были характерны для викингов. Они тоже отправлялись в плавание и давали сполна почувствовать народам на чужих берегах Швеции и Дании свою отвагу и жажду добычи.

В различных сказаниях повествуется о том, что шведские викинги после 800 года вынуждены были постоянно бороться за сохранение своего господства в Прибалтике. Так, при короле Эрике²⁷ (умершем в 882 году) Эстония и Курляндия принадлежали шведам, но в 900 году их владычество там было сброшено. В результате вплоть до XI века и даже в XII столетии шведский флот постоянно совершал вторжения в прибалтийские земли, чтобы восстанавливать свои притязания и привести к повиновению непокорных. А вот датчане, которые тоже предпринимали набеги, успеха в конечном итоге не имели.

С христианством эстонцы впервые познакомились во время вторжений в их земли с севера, и к 1120 году представитель Папской курии, располагавшейся в шведском городе Сигтуна, распространил свое влияние и на Финляндию, и на Эстонию. А еще почти через 50 лет, точнее, в 1167 году, архиепископ Эскиль из города Лунд назначил французского монаха католического монашеского ордена цистерцианцев Фулко епископом Эстонии. Известно также, что в то время там проповедовал монах из числа эстонцев, прошедший обучение в Норвегии. Судя по всему, Фулко находился в Эстонии с миссионерской миссией в 1172-1177 годах, но успеха она не принесла.

Тем временем норманны продвинулись дальше на восток, что имело большое историческое значение. Со второй половины IX века шведским викингам путем основания русских Новгородского и Киевского княжеств удалось придать восточным славянам политическую форму правления на землях, простиравшихся до Полоцка и Плеска²⁸, где спустя столетие была принята византийская христианская вера. К 1000 году норманны в России ославянились и повели славян на запад, чтобы подчинить прибалтийские народы своему господству.

Еще до 1000 года русские варяги, поддерживавшие тесные связи со шведами, стали совершать из Новгорода набеги на эстонцев, принуждая их выплачивать дань, но те постоянно сбрасывали русское господство. Так, в 1030 году Ярослав Мудрый, сын Владимира Святого, воздвиг укрепленный замок Юрьев (Дорпат), который на протяжении тридцати лет служил для русских центром сбора дани. Однако северную часть Эстонии подчинить своему господству им не удалось.

В XII веке, несмотря на неоднократные русские военные походы, продолжавшиеся целое столетие, эстонцы все же смогли отстоять свою независимость. Удалось отбиться от русских и земгалам, а также курам. А вот районы Западной Двины и Восточной Лифляндии в XI веке надолго подпали под господство восточных правителей. Так латыши (латгалы²⁹) из Талавы³⁰

²⁷ **Король Эрик**, точнее, Эрик Анундсон или Эрик Эймундсон (849–882) – шведский конунг, правивший в IX в.

²⁸ **Плескау** – давнишнее и традиционное немецкое название города Псков. В дальнейшем в тексте будет использовано русское название.

²⁹ **Латгалы** – восточнобалтийское племя, населявшее восток современной Латвии. Занимало центральное положение по отношению к другим народам, расселившись в нижнем течении реки Западная Двина, частично оттеснив и ассимилировав прибалтийско-финское население (ливов и эстов).

³⁰ **Талава** – одно из первых феодальных княжеств на месте современной Латвии.

и Адзеле³¹ платили дань Пскову, восточные латгалы – Полоцку, а в замках Ерсика и Кокнесе на Западной Двине сидели зависимые от полоцкого великого князя потомственные русские князьки, взимавшие дань с летгалов и осуществлявшие набор рекрутов в войско. Ливы же на Западной Двине являлись данниками непосредственно Полоцка.

Миссионерская деятельность сначала не была связана с русским господством. Только в русских поселениях возводились церкви, в которых священники отправляли службы. Поэтому влияние православия на местных жителей просматривается как с археологической точки зрения, так и в трудах по истории языка – некоторые латышские обозначения христианских сооружений и понятий, наряду с торговыми, экономическими и правовыми терминами, явно заимствованы из старославянского языка. Тем не менее непосредственно обращать язычников в лоно христианской церкви русские князья стали только после начала миссионерской деятельности германцев и ввели в Талаве православие.

Латыши называли русских «криви» по аналогии с кривичами – названием самого большого славянского племени на своей восточной границе. Поэтому неудивительно, что в латышском языке некоторые самые древние слова хотя и заимствованы из древнескандинавского или древнегерманского, но имеют старославянское произношение.

Через прибалтийские земли издавна проходили торговые пути, связывавшие между собой страны, весьма отдаленные друг от друга. В этой связи там, и особенно в Эстонии, обнаружено много находок изделий из серебра, относящихся к IX–XI векам, а среди тысяч серебряных монет – немало арабских, византийских, англосаксонских и германских. Это свидетельствует о том, что торговые пути пролегали больше через Эстонию, чем по областям, лежавшим южнее. А это, в свою очередь, создало ей соответствующую репутацию и способствовало появлению еще в доисторические времена торгового места, названного позднее Ревалем.

В XI и XII веках на этом месте появляется сначала предположительно гутнийско-шведское торговое поселение. То же обстоятельство, что вплоть до германского завоевания прибалтийских земель торговый путь через Западную Двину не получил такого же значения, как путь, проходивший через Реваль, можно объяснить, скорее всего, конкурентной борьбой полоцких князей с другими русскими удельными князьями, которые были заинтересованы в развитии именно северного пути и сковывали торговлю через Западную Двину. В результате прилегающие к реке области с точки зрения торговли стали настоящим «мертвым пространством». Возможно, с этим и связано то, что до основания Риги устье Западной Двины использовалось лишь как одно из мест торговли товарами, привозимыми с севера, не являвшегося международной торговой точкой для реализации продукции, доставленной по реке из глубины материка.

В конце XII века в борьбу за обладание Эстонией активно включилась и Дания. Ее короли Вальдемар I Великий (правил в 1157–1182 годах), Кнуд VI (правил в 1182–1202 годах) и Вальдемар II (правил в 1202–1241 годах) превратили Данию в грозную балтийскую морскую державу, а король Кнуд VI проводил военные походы не только в Померании³², но и в Финляндии, а также в Эстонии, и начатое им дело решил довести до успешного конца сменивший его брат.

На юге тоже появилась новая сила. Со второй половины XII столетия грозными соседями эстов были уже не русские, а литовцы, которые стали хозяйничать даже в Полоцке и подчинили себе русских князей на Западной Двине – герсикского князя Всеволода и князя Вячко в Кокенгузене³³. Литовцы совершали военные походы, прежде всего против летгалов и ливов,

³¹ Адзеле – протогосударственное образование на востоке современной Латвии.

³² Померания – историческая область на юге Балтийского моря, находившаяся в разные эпохи в составе различных государств. Свое название Померания (по-славянски Поморяния или Поморье) местность получила по населявшему область западнославянскому племени поморян. В настоящее время Западная Померания является частью германской земли Мекленбург-Передняя Померания, а остальная часть относится к Польше.

³³ Кокенгузен – латвийский город Кокнесе, который с августа 1656 г. (после взятия русскими войсками) до подписания Кардисского мирного договора 1661 г. носил также название Царевичев-Дмитриев.

которые не могли им противостоять, но не гнушались набегами и на эстов. К тому же ливы, эсты, латгалы и земгалы враждовали между собой. Поэтому вторжения литовцев постепенно привели к господству в районе Западной Двины язычества. Но у него не было перспектив для своего укрепления, поскольку в это время в нижнем течении реки уже появились германцы.

Германские поселения в Лифляндии. Торговля и миссионерство. Земля Девы Марии и новое имперское ленное владение

Немецким купцам из Вестфалии и Нижней Саксонии области, прилегавшие к Балтийскому морю, были знакомы задолго до появления там германских приморских городов. Однако Генрих Лев³⁴, основав в 1158 году город Любек, ставший надежным торговым опорным пунктом, и распространив германское господство на остров Готланд, открыл перед торговцами новые возможности.

В Висбю³⁵, как «купцы Римской империи», они создали свое товарищество и начали вести торговлю с русскими, безопасность которой обеспечивал могущественный герцог, заключив соответствующие контракты. В результате древние торговые пути между Востоком и Западом были включены в дорожную сеть германских купцов, что открыло им дополнительную возможность для развития торговли на ярмарках пушнины и воска в глубине России.

Возникновение поселения германских купцов в Висбю в 1160 году создало очередную предпосылку для того, чтобы немцы стали широко использовать Западную Двину как торговый путь, который им, несомненно, был давно известен. А вслед за купцами отправились и миссионеры. В частности, в 1180 году к торговцам присоединился каноник монашеского ордена Святого Августина Майнхард из голыштейнского монастыря Зегеберг, который, невзирая на понесенные жертвы и презрев опасность, основал на Западной Двине немецкую миссию, добившись разрешения на это у полоцкого князя. В 1184 году в Икскюле³⁶ Майнхард построил на земле ливов первую церковь, а в 1186 году бременский архиепископ Гартвиг II произвел его в епископы Икскюля.

Помощником у Майнхарда был цистерцианец³⁷ Теодорих, который окрестил короля ливов Каупо, а позднее взял на себя руководство миссионерской деятельностью среди эстонцев, последовав примеру своего французского собрата по ордену Фулко. После смерти Майнхарда в 1196 году икскюльским епископом был назначен цистерцианец Бертхольд, который до 1194 года являлся настоятелем монастыря в немецком городе Локкум. Однако уже в 1198 году Бертхольд пал в стычке с ливами, что показало необходимость ужесточения усилий миссионерской деятельности, так как обращение местного населения в лоно церкви было явно не завершено. А поскольку в Бремене не желали оставлять Лифляндию в покое, то в конце февраля или в первых числах марта 1199 года ее епископом был назначен племянник Нижнесаксонского архиепископа Гартвига Бременский каноник Альберт фон Буксгевден.

В лице епископа Альберта немцы получили человека, чье социальное положение и знание дела хорошо соответствовали возможностям того времени для решения серьезных политических задач. Тем не менее описания его личных деяний в летописях, к сожалению, не сохранились. О нем говорят лишь оставленные им глубокие следы его всеобъемлющей деятельности, которые позволяют судить, насколько фундаментальна была эта личность. Используемые им организационно-правовые формы управления сами говорят о его юридической грамотности, степени образованности и о мировоззрении в целом.

³⁴ **Генрих Лев** (1129–1196) – монарх из династии Вельфов, герцог Саксонии в 1142–1180 гг. и Баварии в 1156–1180 гг.

³⁵ **Висбю** – главный город острова Готланд, относящегося в настоящее время к Швеции.

³⁶ **Икскюль** – историческое название города Икшкиле в центральной части Латвии, расположенного на правом берегу реки Даугава в 28 км от Риги.

³⁷ **Цистерцианец** – член католического монашеского ордена цистерцианцев, основанного в 1098 г. во Франции как ветвь ордена бенедиктинцев.

Епископ Альберт, по образному выражению некоторых историков, являлся «великим епископом-миссионером Германии». В Лифляндии он стал творцом неповторимого германского церковного и светского устройства власти. То, что первоначально являлось лишь слепком нордической миссионерской традиции Бремена, в конечном итоге превратилось в мерную средневековую поступь немецкого народа на восток, в колонизацию восточных территорий, которая подготовила Лифляндию для превращения ее в часть нордического пространства.

Даже подготовительные мероприятия свидетельствуют о том, что Альберт рассматривал свою задачу через призму широких германских интересов в Балтийском море и немецкой имперской политики – он вступил в контакт с королем Дании Кнудом VI и его братом, будущим датским королем Вальдемаром. И эта связь оказалась очень плодотворной! Кроме того, Альберт стал взаимодействовать с датским лундским архиепископом Абсаломом, а также германским королем Филиппом Швабским, в магдебургском замке которого встретил рождественские праздники 1199 года. В то время там гостил и принадлежащий к рыцарскому сословию поэт Вальтер фон дер Фогельвейде.

Из всего того, что нам известно об Альберте, на той встрече он старался решить всего лишь ограниченную задачу – прояснить вопросы, связанные с экономическим обеспечением проезда через Лифляндию. И его обращение к королю Филиппу вовсе не означало отдаления от скандинавов, хотя в то время в отношениях между Кнудом VI и Филиппом Швабским и наблюдалась некоторая напряженность. Он просто старался использовать в интересах решения своей миссии все предоставлявшиеся тогда возможности и влияние сильных мира сего.

В этой связи необходимо заметить, что наиболее важным и имевшим далекоидущие последствия было его взаимодействие с папой. Результатом этого явилась выпущенная 5 октября 1199 года Иннокентием III булла, в которой папа призвал верующих Нижней Саксонии и Вестфалии встать на защиту церкви в Лифляндии. При этом проезд по лифляндской территории приравнивался к совершению паломничества в Рим. Но еще большее уважение к Лифляндии вызвало посвящение в 1202 году Альбертом этой земли Деве Марии, Божьей Матери. Тем самым ему удалось отодвинуть на второй план Палестину, страну Сына Божьего, и в октябре 1204 года Иннокентий III разрешил священнослужителям, а следовательно, и мирянам отправиться в поощряемый церковью крестовый поход не в Иерусалим, а в Лифляндию. Подоплекой этому послужил Четвертый крестовый поход³⁸, принявший несколько неожиданное направление и закончившийся созданием Латинской империи в Константинополе. Придание же Лифляндии статуса «святой земли» превратило ее в собственность престола Святого Петра. Другими словами, с правовой точки зрения она стала расцениваться папами как их собственность, и такое положение закрепилось за этими землями на многие столетия.

Альберт с самого начала во всем принимал самое деятельное участие – он колесил по своей родине и вербовал соратников, делая это от имени церкви и заражая всех своим задором. В результате сотни людей, осенив себя крестным знаменем, вставали под его знамена, а некоторые продавали даже свое имущество, чтобы оплатить расходы нового крестового похода. Его в Лифляндию Альберт смог предпринять уже весной 1200 года, посадив войско на 23 корабля. В том же году Альберт снова появился в Германии, чтобы организовать дополнительные силы, которые он отправил в колонию весной 1201 года. Всего Альберт предпринял не менее четырнадцати подобных поездок.

Среди рыцарей, отправившихся по призыву церкви в Лифляндию с крестовым походом, были правители и благородные господа выдающихся фамилий, такие как Бернхард фон

³⁸ Четвертый крестовый поход (1202–1204 гг.) был последним из крупных походов. Первоначально крестовые походы преследовали цель освобождения территории Палестины и храма Гроба Господня от турок-сельджуков, но впоследствии они стали приобретать характер решения политических задач римских пап и других правителей. Этот поход стал переломным ввиду того, что он вскрыл истинную цель Запада, которая стала понятной после взятия Константинополя и создания Латинской империи.

Липпе, граф Альберт фон Гольштейнский (правнук Альбрехта Медведя³⁹ и племянник датского короля Вальдемара) со своим двоюродным братом и дядей, герцог Альберт Саксонский (внук Альбрехта Медведя и тесть императора Фридриха II), а также граф Адольф фон Дассель (внук Райнальда фон Дасселя).

Рыцари, многие из которых состояли с епископом в кровном родстве, выдвинулись, естественно, со своими многочисленными вассалами, оставшись затем в новых землях. Особенно это касалось прибывших из Нижней Саксонии, Остфалии⁴⁰ и Восточной Саксонии, среди которых было немало представителей богатых и уважаемых родов. Поэтому можно определенно утверждать, что ими двигало не стремление к легкой наживе, а ощущение своей принадлежности к церкви, можно даже сказать настоящий религиозный энтузиазм. Конечно, было и желание завоевать в тяжелых сражениях ленные владения, но большинство хотело испытать себя в опасных приключениях и заслужить славу в бою.

Для привлечения значительных средств, которых требовала организация похода, епископ Альберт заручился поддержкой германских купцов и уже летом 1201 года в безлюдном месте недалеко от одного из поселений ливов основал на Западной Двине город Ригу. Этот шаг по возведению немецкого населенного пункта, самого древнего после Любека на Балтике, преследовал три цели – создание резиденции епископа, которому по церковным канонам надлежало находиться в городском поселении, обеспечение колонии укрепленным опорным пунктом и предоставление купцам удобного торгового места с прицелом на восток.

Место, где находился старый рынок, располагавшийся возле излучины реки в 15 километрах вверх по течению, для нового города не подходило, так как туда из-за мелководья большие морские корабли пройти не могли. А чтобы исключить конкуренцию со стороны порта земгальских торговцев, находившегося в устье Курляндской Аа, в 1201 году папа издал специальный мандат, запрещающий судам заходить туда под страхом строжайшего наказания.

В 1202 году под предводительством брата Альберта Энгельберта в Ригу из Германии прибыли первые поселенцы, а в 1211 году епископ приступил к возведению кафедрального собора – зальной церкви с нефами одинаковой высоты, крытой галереей и залом для собраний.

Земля в городе находилась в собственности епископата, но постройки возводились при активном содействии немецких купцов. Горожанам же Альберт даровал такие же свободы и привилегии, какими пользовались немцы на острове Готланд. Вскоре и управление городскими делами стало осуществляться назначенным епископом фогтом⁴¹. Поэтому уже в 1221 году, еще при жизни основателя города, горожане доросли до того уровня, когда им можно было передать право на принятие устава городского совета и на владение городской землей.

Миссионерская деятельность осуществлялась при неразрывной связи и содействии монашеских орденов. Первый старший пастор рижского соборного капитула⁴², брат Альберта Энгельберт, был членом монашеского ордена Святого Августина, а его преемник Йоханнес – премонстрантом⁴³. Однако наиболее деятельными среди всех являлись цистерцианцы, которые предоставили для миссионерских целей многочисленных проповедников и создали для себя в Лифляндии укрепленные опорные пункты. В частности, в 1205 году они начали строитель-

³⁹ **Альбрехт Медведь**, он же Альбрехт I Бранденбургский или Альбрехт Саксонский (1100–1170) – граф из рода Асканиев, основатель и первый маркграф Бранденбургской марки. Внес значительный вклад в колонизацию восточных земель. При нем Бранденбургская марка вошла в состав Священной Римской империи.

⁴⁰ **Остфалия** – историческая область в Германии, восточная часть древнего Саксонского герцогства.

⁴¹ **Фогт** – светское должностное лицо в церковной вотчине, наделенное в Средние века исключительными судебными, административными и фискальными правами.

⁴² **Соборный капитул** – в Римско-католической церкви коллегия священнослужителей, справляющих службу при архиепископской или епископской церкви.

⁴³ **Премонстранты** – католический монашеский орден, основанный в 1120 г. святым Норбертом Ксантенским в аббатстве Премontre, которое находится неподалеку от пикардийского города Лан. Имя орден получил по названию аббатства, но по имени основателя члены ордена также именовались норбертанцами или норбертинцами.

ство монастыря в Дюнамюнде⁴⁴, настоятелем которого стал миссионер Теодорих. А в 1213 году римский папа Иннокентий III потребовал, чтобы каждый нижнесаксонский монастырь отрядил одного или двух монахов для усиления миссионерской миссии в Эстонии.

В отличие от остальных колонизированных немцами восточных областей на территории нового епископата Альбрехт с самого начала не преследовал интересы, присущие мирскому сюзерену, и не располагал соответствующей защитой. Силловые средства для покорения язычников епископу приходилось собирать самому. При этом людей, прибывавших с ежегодными процессиями паломников, для таких целей не хватало. Дефицит ощущался и тогда, когда Альберт начал привлекать способных носить оружие высоким жалованьем. Поэтому наиболее действенной силой, которой он располагал, были военные возможности одного религиозного рыцарского ордена, давшего обет бороться с язычниками.

В 1202–1203 годах цистерцианец Теодорих явно независимо от епископа Альбрехта основал орден рыцарей Христа (латинское название – «Братство воинов Христа»), чьей эмблемой являлся красный меч на белом поле с красным крестом над рукоятью и который стали называть орденом меченосцев. Этот орден, перенявший устав тамплиеров, в отличие от него, подчинялся непосредственно не папе, а епископу. За счет постоянного пополнения рыцарями из Германии он быстро рос и уже вскоре настолько усилился, что в 1207 году смог приступить к завоеванию новых земель, начав претендовать на треть от военной добычи и требовать права на владение третью всех завоеванных земель. Епископ Альбрехт пошел навстречу пожеланиям ордена и согласился передать ему испрашиваемые территории.

Еще в начале того же года Альберту удалось привести к логическому концу свои организационные мероприятия – на собрании светских и духовных лидеров в немецком городе Зинциг в январе, а может быть, в Гельнхаузене 2 февраля 1207 года он преподнес Лифляндию королю Филиппу Швабскому в качестве нового имперского ленного владения. Позднее, а именно 1 декабря 1225 года, ему удалось добиться у короля Генриха признания Лифляндии в качестве марки⁴⁵ империи и придания ее правителю таких же суверенных прав, какими обладали другие имперские князья. Тем самым ограничивались и властные полномочия императора в вопросах регулирования правовых отношений, чего добивались все лифляндские феодалы. В результате были сформированы такие правоотношения, которые сохранялись затем в течение трех с половиной столетий. Попытки же непосредственного вмешательства императоров во внутренние дела Лифляндии, как, например, издание манифеста в защиту прав новообращенных Фридрихом II в марте 1224 года, дальнейшего развития так и не получили.

Епископ Альбрехт преследовал четкую цель, которая была одновременно и миссионерской, и политической, – воцарение христианства в Лифляндии, властителем которой стал бы не кто иной, как епископ. В осуществлении таких планов он опирался на поддержку своих пятерых братьев, из которых наряду с уже упоминавшимся Энгельбертом наиболее известным стал Герман – будущий епископ Дорпата. Из трех других братьев самую заметную политическую роль сыграл Дитрих, который сделал правильные выводы из вынашиваемых Альбертом планов на будущее – в 1211 году он женился на дочери русского князя Владимира из Плескау.

Отсюда напрашивается вывод, что первоначально Альберт планировал добиться мирного соседства с русскими и договориться с ними о совместных усилиях по христианизации прибалтийских язычников. Не исключено также, что такое предполагало вступление немцев с русскими в союзные отношения с далекоидущими последствиями. Во всяком случае, после перехода летгалов в лоно Римско-католической церкви германцы подтвердили обязанность

⁴⁴ **Дюнамюнде** – крепость в Латвии, основанная в 1205 г. на полуострове, образованном Рижским заливом и рекой Булльупе. До 1893 г. носила название Дюнамюнде, до 1917 г. – Усть-Двинск. Сейчас входит в состав рижского микрорайона Даугавгрива.

⁴⁵ **Марка** – слово, первоначально означавшее у древних германцев границу, но уже в VII в. получившее другое, переносное значение. Им стали называть округ, расположенный в определенных границах.

выплачивать дань Пскову жителями области Толова, а в 1224 году папа Гонорий III призвал всех христиан на Руси материально поддерживать миссионеров в Лифляндии.

Намного труднее было разграничить сферы влияния в северных районах Западной Двины, Лифляндской и Курляндской Аа с Датской империей. Однако стычки с эстонцами требовали урегулирования спорных вопросов. В этой связи уместно будет напомнить, что еще до своей первой поездки в Лифляндию Альберт посетил будущего датского короля Вальдемара, а в 1219 году даже попросил у него военной помощи. В результате летом того же года Вальдемар II высадился в северной части Эстонии и под стягами Даннеброга⁴⁶ – красного полотнища с изображением белого креста, которое, по преданиям, упало с неба перед решающим сражением и стало имперским флагом Дании, – разбил эстонцев.

Затем на месте эстляндской крепости Линданисе⁴⁷ Вальдемар II основал крепость Реваль, но на этом его амбиции не ограничились. Уже в следующем году он выдвинул к Альберту требование передать ему всю Лифляндию и Эстонию. В Риге такое вызвало всеобщее возмущение и призывы к вооруженному сопротивлению. В результате Вальдемар отказался от своих притязаний на Лифляндию, а когда в мае 1223 года его взяли в плен собственные вассалы, то на этом соперничество с датчанами за прибалтийские земли закончилось.

Однако, несмотря на все успехи, своей цели епископ Альберт не добился – настолько мощными оказались противодействующие силы. Правда, еще в 1210 году ему было дано право назначать епископов и рукополагать в сан. В 1214 году он получил признание независимости от власти старшего священника, а в 1217 году Гонорий III подтвердил его полномочия на создание епископства и занятие поста епископа. Тем не менее в присвоении сана архиепископа ему отказывали вплоть до самой его смерти в 1229 году. Когда второй магистр ордена меченосцев Фольквин предъявил Альберту новые повышенные требования, то их спор вынужден был разрешить папа римский Иннокентий III, который 20 октября 1210 года издал даже специальную буллу. В ней подтверждалось, что за орденом для взимания дани сохраняется третья часть завоеванных епископом земель, но о порядке ее получения в областях, которые еще предстоит захватить, меченосцам придется договариваться с епископами, которые будут туда назначены.

В 1212 году кайзер Оттон IV подтвердил владения ордена меченосцев, что соответствовало намерению Папской курии не допустить усиления Альбрехта. Такая позиция Рима просматривалась уже в том, что Иннокентий III не подчинил Альбрехту назначенного им в 1211 году в замок Леаль⁴⁸ первого епископа Теодориха (бывшего до того времени настоятелем монастыря в Дюнамюнде), а в 1213 году выдал разрешение на одновременное назначение епископов в эстляндских землях датскому лундскому архиепископу. Независимыми от Альбрехта оказались и другие созданные им епископства (Селониен-Земгальское, позднее Курляндское; Эзель-Викское; Дорпатское). Причем епископы из Дорпата и Эзеля еще при жизни епископа Альберта были наделены леном как имперские князья.

Положение в политической раздробленности Лифляндии не исправил и папский легат моденский епископ Вильгельм, присланный туда из Пьемонта по просьбе Альбрехта Гонорием III в 1225 году для урегулирования спорных вопросов и усиления миссионерской пропаганды. Деятельность этого легата явилась отражением чрезвычайных притязаний папы на непосредственное руководство миссионерской деятельностью, однако сбыться этому было не суждено. Среди многих проблем, с которыми пришлось столкнуться римскому посланнику, наиболее опасными являлись трения между епископом Альбрехтом, орденом меченосцев и городом Рига – по состоянию на 11 апреля 1226 года каждый из них претендовал на треть от завоеванных совместными усилиями земель.

⁴⁶ **Даннеброг** – датское название государственного флага Дании.

⁴⁷ **Линданисе** – старое скандинавское название Таллина.

⁴⁸ **Леаль** – епископский замок Эзель-Викского епископства, развалины которого находятся в эстонском городе Лихула.

Постепенно все эти три претендента – епископ, орден и город – стали примерно равными по силе, и во властных отношениях сложилась такая ситуация, исправить которую не удалось и второму римскому посланнику вице-легату Болдуину фон Альна из валлонского монастыря Ольне, старавшемуся в 1231–1234 годах вновь установить единоличную власть папы. Перелом в расстановке сил наступил тогда, когда для ордена меченосцев пробил его судьбоносный час. Все произошло 22 сентября 1236 года при возвращении рыцарей из похода против литовцев, когда возле литовского населенного пункта Сауле (Шауляя) на них напали и почти всех перебили литовцы и примкнувшие к ним земгалы. Через полгода оставшиеся братья ордена меченосцев перешли в Германский орден⁴⁹, начавший за несколько лет до этого активно действовать в Пруссии и перед которым папа поставил новую великую задачу.

Наследство, доставшееся от меченосцев по договору, заключенному в итальянском городе Витербо 13 мая 1237 года, оказалось очень тяжелым. И связано это было не столько со своеобразием момента с его опасностями и притязаниями Дании на Эстонию, сколько с правовым положением бывшего ливонского ордена, точнее, с его зависимостью в ленных вопросах от епископов. И то, что Великий магистр Герман фон Зальца, несмотря на все трудности, признал главенство епископов и необходимость очищения северных районов Эстонии от датчан, говорит об его государственном подходе в делах. А это, в свою очередь, открыло новое поле деятельности и способствовало обоснованию Германского ордена в Ливонии, что явилось следующей важнейшей вехой после появления в прибалтийских землях великого епископа.

⁴⁹ **Германский**, или Тевтонский, **орден** – немецкий духовно-рыцарский орден, основанный в конце XII в. Одним из трех его подразделений (ландмейстерств) являлся Ливонский орден.

Покорение и обращение в веру прибалтийских народов. Правовое положение коренного населения

Когда в 1237 году Германский орден перенес центр тяжести своей деятельности из Пруссии в Лифляндию, до окончательного завоевания новых земель и обращения язычников в христианство было еще очень далеко. Поэтому эти процессы следует рассматривать в неразрывном единстве.

В самом начале, еще до конца 1206 года, епископ Альбрехт покорил и обратил в христианство ливов, проживавших в нижнем течении Западной Двины и областях в районе Лифляндской Аа, а затем устремился на юго-восток, чтобы по Западной Двине создать прочную преграду на пути движения литовцев. В 1208 году было покорено латышское племя селов, и тогда же добровольно к немцам присоединилась, а также приняла крещение часть летгалов в Толове, что уже само по себе говорило о той степени угрозы, которая исходила для них со стороны соседей. Две русские крепости на Западной Двине пали соответственно в 1208 и 1209 годах, и по договору от 1212 года эти районы от верховной власти Полоцка отпали, после чего в 1214 году окрещенные в православие латгалы по собственной воле перешли в лоно Римско-католической церкви. Сделали они это для того, чтобы найти у немцев защиту от набегов эстов⁵⁰ и литовцев. Однако союз с германцами и единая с ними вера не освободили летгалов от повинности выплачивать дань Пскову, которая сохранялась еще довольно долго.

А вот покорение земгалов и куршей проходило не так легко. Ведь они постоянно находили себе действенную опору в лице родственных им литовцев – наиболее опасных для немцев врагов, боровшихся против германского господства на Западной Двине. В то же время земгалы из Межотне попытались в 1219 году найти у немцев от литовцев защиту, но в следующем году вновь от германцев отвернулись. Земгальский же воевода и князь Виестартс, правивший в окружающих замок Тервете областях, вообще постоянно менял свои ориентиры и в зависимости от складывавшейся расстановки сил переходил от одной стороны к другой. Поэтому для подчинения земгалов потребовалось не одно десятилетие.

Что касается куршей, то вначале (в 1225 году) они тоже добровольно предложили жить в мире. Однако вскоре миролюбие сменилось на враждебность, и Германскому ордену пришлось покорять их в ходе многочисленных сражений, исход которых не всегда был в его пользу. После же его неудачной попытки продвинуться дальше на восток, закончившейся поражением 5 апреля 1242 года от Александра Невского в битве на Чудском озере, орден сосредоточил все свои силы на завоевании земель на западе, чтобы выйти к границам Пруссии. Сам кайзер Фридрих II уполномочил его осуществить завоевание Курляндии, Литвы и Земгалии, вручив в торжественной обстановке грамоту с золотой печатью (Золотую буллу), текст которой в отношении новых земель слово в слово повторял привилегии ордена в Пруссии от 1226 года.

Во время решающих сражений за Курляндию и Земгалию перед орденом открылась перспектива подчинить себе и Литву – в 1250 году вождь одного из литовских племен Миндовг решил пойти с ним на союз, дал себя священнику ордена окрестить и в 1253 году в присутствии магистра ордена получил из рук кульмского епископа королевскую корону, переданную ему папой.

В 1252 году в Мемеле⁵¹ орден основал замок, поскольку во главу угла встал вопрос, удастся ли ему удержать западнолитовскую область Жемайтию, которую Миндовг передал крепостносам под управление. Однако в битве у озера Дурбе 13 июля 1260 года тевтоны потер-

⁵⁰ Эсты – древнее скандинавское название эстонцев.

⁵¹ Мемель – ныне город Клайпеда, расположенный в западной части Литвы, где Балтийское море переходит в Куршский залив.

пели сокрушительное поражение, потеряв убитыми 150 рыцарей во главе с магистром, что положило конец протекторату ордена над Литвой.

Это поражение действительно имело очень серьезные последствия – немедленно восстали курши, которые вместе с эстами покинули поле битвы в самом начале сражения, а также земгалы и даже прусские племена. Когда же вслед за этим на путь измены встал и Миндовг, политике, направленной на покорение Литвы, настал конец. На это у ордена больше не хватало сил.

Тем не менее в течение нескольких десятков лет ордену удалось подавить сопротивление куршей и земгалов. Сначала рыцари привели в повиновение куршей, что было закреплено в обоюдном мирном договоре 1267 года, а затем после многочисленных битв с переменным успехом и решающего сражения в 1290 году покорили и земгалов, часть из которых оказалась вытесненной за пределы границы с Литвой. Туда же несколько ранее, а точнее, в 1281 году сбежал и предводитель вспыхнувшего в 1279 году последнего восстания земгалов их вождь Намейсе из крепости Тервете. В общем, в годы этой войны полностью проявилось то, что литовское влияние и оказываемая литовцами земгалам помощь полностью поставили последних в зависимость от Литвы.

Гораздо дольше, чем земгалы, сопротивлялись эсты. Первое вторжение в земли их обитания предприняли еще меченосцы вместе с латышами в 1209 году, а после взятия в 1215 году замка Феллин в последующие годы немцы успешно продвинулись на север. Когда же в прибалтийские дела вмешались русские, часть эстонцев (из южноэстляндской земли Уганди) попросила защиты у немцев, и текст подписанного с ними соглашения напоминал договоры присоединения латышей. Правда, это был единственный случай подобного рода – успехи русских переломили такую тенденцию. Но еще до того, как к эстам подоспела русская помощь, 21 сентября 1217 года объединенное эстляндское войско в битве возле города Пала потерпело сокрушительное поражение от немцев и союзных им ливов и леттов⁵². После героического сопротивления при беспорядочном бегстве наряду со многими вождями эстов погиб и их главный предводитель Лембит, единственный эстонец, которого летописец, живший в то время, удостоил княжеского титула.

Эта победа привела к полному подчинению эстляндских областей Сакала и Ервен. Однако возникли новые серьезные трудности – брекенский архиепископ перекрыл крестоносцам проезд в Лифляндию, а русские по просьбе эстонцев грозили нападением. Тогда, возможно для обеспечения острия удара при вторжении меченосцев в Эстонию, епископ Альберт, как уже говорилось ранее, обратился к датскому королю Вальдемару с просьбой об оказании вооруженной помощи. Король высадил войско и победил, в результате чего датчане проникли на эстляндскую территорию, но закрепиться им удалось только в Ревале. Когда же эсты в 1222 году заняли остров Эзель⁵³ и прибрежные к Балтийскому морю районы, немцы в союзе с летгалами их себе подчинили – в 1224 году пал отчаянно защищавшийся эстами и русскими замок Дорпат, а в 1227 году были покорены и жители Эзеля.

Могущество датчан пришел конец, когда войско Вальдемара II в 1227 году потерпело поражение в битве за Гольштейн и другие немецкие северные земли возле населенного пункта Борнхевед. Последствия этого разгрома коснулись самых отдаленных уголков Датского коро-

⁵² Имеется в виду битва, вошедшая в историю как сражение при Виль-янди. С эстонской стороны в нем приняла участие коалиция из шести основных земель континентальной Эстляндии: Рывала (Ревель), Ляэнемаа (Роталия у Генриха), Харьюмаа (Гаризен), Вирумаа (Вирония), Ярвамаа (Ервен) и Сакала. В нем не участвовала только земля Уганди (Унгаврия), поскольку еще в 1215 г. в ходе девятикратных рейдов крестоносцев и леттов ее население было практически полностью истреблено, и с 1216 г. она уже была подчинена немцам. Армия коалиции насчитывала около шести тысяч воинов, а кроме того, эстонцы рассчитывали на помощь русских войск, но они не приняли участия в сражении. С другой стороны против эстов выступила трехтысячная ливонская армия, состоявшая из войск рижского епископа, крестоносцев графа Альберта из Гольштинии, ордена меченосцев и ополчения летгалов (леттов) и ливов.

⁵³ Эзель – прежнее название эстонского острова Сааремаа.

левства, а орден меченосцев занял эстляндские земли, принадлежавшие ранее Дании. В 1230 году при содействии германских купцов с острова Готланд он основал на них немецкий город Реваль, который стал дополнять древние ярмарки. А роль своеобразного опекуна над лифляндскими землями ордена, похоже, взял на себя влиятельный северогерманский правитель герцог Альберт Саксонский, который познакомился с Лифляндией во время крестового похода 1219 года. Когда же Германский орден принял на себя наследство ордена меченосцев, под давлением Папской курии по договору 1238 года, заключенного в городе Стенсби⁵⁴, герцог был вынужден поддержать Данию, и в результате Реваль, Вирланд⁵⁵ и Харью⁵⁶ вернули датчанам, которые владычествовали там более столетия. Правда, благодаря самостоятельности немецких вассалов их власть в этих землях оказалась ограниченной.

Эсты, проживавшие в материковой части Прибалтики, похоже, были покорены окончательно. Восстания неоднократно отмечались только на острове Эзель (в начале 1240-х, 1250-х и 1260-х годов). Однако через несколько десятилетий в Вирланде, Харью и Вике⁵⁷, то есть на территориях, подчиненных Дании, из-за начавшегося гнета со стороны вассалов датской короны вновь начались серьезные волнения. В 1343 году в ночь на Юрьев день⁵⁸ эсты убили всех немцев и сожгли господские поместья. Вскоре к восставшим примкнули и эстонцы на острове Эзель.

Тогда за усмирение восставших и за возобновление немецкого господства на этих территориях взялся Германский орден, который в ходе кровопролитных сражений, продолжавшихся вплоть до 1345 года, окончательно сломил дух сопротивления у эстонского народа. А в 1346 году король Дании Вальдемар IV Аттердаг продал Вирланд и Харью за 19 000 марок серебром прусскому магистру, то есть магистру Германского ордена, являвшегося подлинным хозяином земли, в результате чего установление германского господства на севере Прибалтики было завершено.

Все эти войны и стычки с племенами, являвшиеся не чем иным, как борьбой за завоевание новых земель и обращение их населения в христианство, приводили к большому кровопролитию, ведь мужество покоряемых народов отмечали даже немецкие летописцы – в XIII веке в битвах с литовцами пали шесть из двадцати магистров Ливонского ордена. Быстрые и блестящие победы сменялись ужасными поражениями. Ведь если закованные в тяжелые доспехи рыцари на благоприятной для боя местности в конной атаке намного превосходили противника, то при необходимости биться в пешем строю с превосходящим по численности наступавшим неприятелем они становились неповоротливыми и беспомощными.

Этим битвам, конечно, был свойствен дух, присущий всем крестовым походам того времени, – дух воинствующего миссионерства, который замечательно передал пастор Генрих Латвийский в своих «Хрониках Ливонии», охватывающих период примерно с 1184 по 1227 год. Правда, с недавних пор появилось мнение, что он, предположительно родившись в Магдебурге, стремился при помощи церковных собратьев отобразить только историю христианской миссии в Лифляндии, а не перипетии политической жизни. Но в этом просматриваются не столько недостатки, связанные с ограниченными рамками описания, сколько преимущества, ведь в «Хрониках» отчетливо ощущается та любовь, с которой хронист относился к своей латышской пастве. Однако ощущается и чувство неприязни к ливам и датчанам, а также неприкрытого превосходства над местным населением. Коренные народы приводились к покорности не

⁵⁴ Договор в Стенсби, заключенный 7 июня 1238 г. на острове Зеландия в Дании, разграничил сферы влияния Германского ордена и Датского королевства на Восточной Балтике.

⁵⁵ **Вирланд** – историческая область на северо-востоке Эстонии.

⁵⁶ **Харью** – одна из восьми исторических областей (маакондов) на севере современной Эстонии.

⁵⁷ **Вик** – историческая область на крайнем западе Эстонии, располагавшаяся напротив острова Эзель.

⁵⁸ **Юрьевдень**, или День памяти великомученика Георгия Победоносца, – день почитания святого Георгия Победоносца в христианстве, отмечаемый 23 апреля (6 мая) и 26 ноября (9 декабря).

только грубой силой, но и путем договоренностей. И если некоторые договоренности из-за происходивших впоследствии восстаний теряли силу, то определенные права у местного населения все же сохранялись. К ним в первую очередь относилось право собственности на землю, а также наследное право. Бесспорным в те времена являлось и право на свободу передвижения. Ведь в XIII веке местные жители жили как самостоятельные народности, а крестьянского сословия у них не было. Оно появилось значительно позже. Представители же правящего слоя добровольно становились немецкими вассалами.

После крещения на местных жителей возлагалась обязанность выплачивать церковную десятину, принимать участие в строительстве храмов и крепостей, а также служения в войске для защиты и распространения веры. Другими словами, они получали право на ношение оружия. Воинская повинность у местного крестьянства существовала во все годы Средневековья и отпала только в XVI столетии – в 1507 году крестьяне потеряли право на владение оружием и его ношение, но для борьбы с русскими их вооружали и позже.

После установления германского господства свободные до той поры эсты, земгалы и курши утратили свою политическую самостоятельность. Встраивание этих народов в систему западных империй – Римскую империю, Данию, орденское государство – предполагало вхождение в историю Центральной Европы. Этому способствовало и вовлечение коренного населения в торговые отношения на внутренних территориях Ганзы⁵⁹. Принадлежность к Римско-католической церкви сделала покоренные земли открытыми для влияния западной духовной силы. И в целом все это надолго перекрыло пути влияния с Востока. Те же земли, которые остались за границами владений ордена, ожидала иная судьба – жившие к востоку от него финно-угорские племена были поглощены русскими.

Тому, кто хочет правильно оценить значение произошедших тогда событий, необходимо не забывать о том, что коренные жители областей, покоренных германцами, до появления в этих землях немцев наиболее сильное давление испытывали не со стороны русских, а от литовцев, которые столетие спустя создали мощное государство, распространившее свое влияние далеко на восток. Силы же русских как раз в XIII веке надолго сковали татаро-монголы. Однако пример Литвы, занявшей в Средние века господствующее положение в отношении так называемой «Белой Руси»⁶⁰, наглядно показывает, насколько мощными остались силы славян на востоке, не говоря уже о более позднем подъеме Великой России и Польши.

На вопрос же, что случилось бы, если бы немцы не пришли в прибалтийские земли или появились бы там значительно позже, ответа нет. Нельзя утверждать, что тогда проживавшие там народы обязательно были бы славянами растворены в своей массе и культуре. Также неправильно говорить и о том, что в этом случае они в течение длительного времени сохранили бы свою независимость, несмотря на постоянное давление со стороны соседей. Можно сказать только, что дальнейшее существование маленького особого территориального образования и динамика развития исторических событий в восточноевропейских областях были явно несовместимы.

Однако дальнейшее существование коренных прибалтийских племен было связано с тем, что давлению с востока стала противостоять не менее заинтересованная в этих землях и пришедшая с запада сила. В Средние века, конечно, невозможно было предположить, во что выльется заложенный в германских усилиях потенциал немецкого народа. Однако о свершениях следует судить по конкретным делам и по тому, к чему они привели. Христианизация,

⁵⁹ **Ганза**, или Ганзейский союз, – крупный политический и экономический союз торговых городов Северо-Западной Европы, возникший в середине XII в. и просуществовавший до середины XVII в.

⁶⁰ **Белая Русь** – историческое название ряда регионов на территории современной Белоруссии и России, употребляемое преимущественно в западноевропейских источниках начиная с середины XIII в. До конца XV в. к ней относили территории Великого Новгорода (Новгородской республики). До XVII в. в Западной Европе так называли Северо-Восточную Русь, однако уже в XVI в. название «Белая Русь» постепенно переходит на западнорусские земли (территорию современной Белоруссии).

с учетом того, что в этот процесс долгое время никто особенно не вникал, дала народам возможность соприкоснуться с христианской истиной, а из ортодоксальной латинской религии со временем выросла ее реформаторская форма.

И какой бы ни был вынесен вердикт, можно однозначно утверждать, что лучшие семена западной культуры взошли здесь гораздо раньше, чем в Литве или в Белой Руси. Торговля и дороги получили мощное развитие, чему способствовало то, что возводимые новые города для коренного населения закрыты не были. Сама же форма немецких поселений способствовала тому, что самобытность эстонского народа и латышских племен не была утрачена, чего нельзя сказать о Пруссии. Наоборот, под охраной германского владычества латышские племена, вобрав в себя ливов, смогли постепенно превратиться в настоящий народ и расширить зону своего обитания до моря. Тяжелые же времена, когда права прибалтов были ограничены, вылились в длительный социально-исторический процесс, который не ограничился только Прибалтикой, а неизбежно затронул всю Восточную Европу. Этот процесс растянулся на столетия и, начиная с эпохи Просвещения, принес плоды настоящей правовой свободы.

Суверены и сущность немецких поселений

После покупки датской части Эстонии Германским орденом политический облик немецких прибалтийских территорий определяли пять германских духовных районов:

1. Рижское архиепископство.

То, в чем было отказано епископу Альберту, получил его второй преемник Альберт Зуэрбер из Кёльна, которого прочили на пост рижского епископа еще в 1229 году. Однако в Ригу он прибыл лишь в 1253 году после смерти епископа Николая, и в 1255 году его назначили архиепископом. Еще в 1251 году к рижскому монастырю были присоединены земли тогда же образованного Земгальского епископства, а в подчинение Рижского архиепископа переданы лифляндские (за исключением Ревальского) и прусские (Самбский, Помезанский и Кульмский) епископы.

Территория архиепископства, в которой архиепископ, как маркграф империи, представлял не только церковную, но и светскую власть, разделялась на две части – ливскую и латышскую, отделенные друг от друга полоской орденской земли.

2. Дорпатское епископство.

Дорпатский епископ (после наделения его леном 6 ноября 1225 года) тоже являлся имперским князем и сувереном. Это была единственная территория, в которую не вклинивались земли ордена.

3. Эзель-Викское епископство.

Для резиденции епископа, который с 1 октября 1228 года также являлся имперским князем и сувереном, первоначально предусматривался замок Леаль, затем ей стал Старый Пярну, чья церковь в 1251 году получила статус кафедрального собора, с 1270-х годов – Хапсаль⁶¹, а потом эпизодически и Аренсбург⁶² на острове Эзель, служивший опорным пунктом ордена.

4. Курляндское епископство.

Германский орден, завоевавший Курляндию в одиночку, в 1251 году добился, чтобы ему здесь принадлежала не треть земель, как в остальных территориях, относившихся к архиепископству, в том числе и на острове Эзель, а две трети. Поэтому епископство с резиденцией епископа в городе Пильтен⁶³ было разделено на три области, отделенные друг от друга землями ордена. Епископ же, как и прусские епископы, целиком зависевший от ордена, с 1263 года обладал единоличной церковной властью, но с 1290 года вошел в состав соборного капитула⁶⁴. А вот функции и титул имперского князя он получил лишь в 1520 году, поскольку до того времени Папская курия намеревалась присоединить Курляндию к Пруссии.

Ревальский епископ, будучи викарным епископом⁶⁵ лундского архиепископа, землями не обладал. Для его содержания были выделены удельные имения.

5. Территория Германского ордена.

Она являлась самой большой и, представляя собой отдельные взаимосвязанные территориальные единицы, простиралась от Финского залива до литовской границы. К ней относился также остров Моон⁶⁶ и части островов Эзель и Даго⁶⁷. Магистр ордена сначала имел резиден-

⁶¹ **Хапсаль** или Гапсаль – ныне город Хаапсалу на северо-западе Эстонии.

⁶² **Аренсбург** – прежнее название эстонского города Курессааре на южном берегу острова Сааремаа.

⁶³ **Пильтен** – старинное название города Пилтене на западе Латвии, расположенного на реке Вента.

⁶⁴ **Соборный капитул** – коллегия священнослужителей, справляющих службу при архиепископской или епископской церкви. Сначала он выполнял только совещательные функции, но со временем стал оказывать влияние на управление епархией (епископством, архиепископством), а начиная с XII–XIII вв. обладал монопольным правом избирать епископа.

⁶⁵ **Викарный епископ** или викарий – это епископ без епархии. В Римско-католической церкви он определяется как помощник епархиального архиерея. По предложению епархиального епископа он назначается папой.

⁶⁶ **Моон** – шведское название острова Муху принадлежащего Эстонии Моонзундского архипелага.

цию в Риге, а затем в Вендене – одном из самых крупных орденских замков. Таких крепостей насчитывалось около шестидесяти, и они защищали границы, а также основные дороги.

Властно-правовое положение ордена в отдельных принадлежавших ему землях было различным. В Харту и Вирланде, где с 1347 года от имени Великого магистра управлял лифляндский магистр, неограниченная власть ордена ограничивалась независимой позицией его вассалов. Всю ее полноту, как в Пруссии, орден имел только в Ервене и Курляндии, поскольку на всю его территорию распространялась епархиальная власть. В Рижском, Дорпатском и Эзель-Викском епископствах Германский орден, будучи наследником ордена меченосцев, находился в ленной зависимости от архиепископа и епископов.

Отношения же с империей определял тот факт, что орден в Лифляндии являлся ответвлением Германского ордена, действовавшего на всей имперской территории. Результаты выборов лифляндского магистра утверждались Великим магистром, а остальные должности занимались самостоятельно.

В свои ряды, первоначально состоявшие преимущественно из уроженцев Нижней Саксонии, орден принципиально не принимал тех, кто родился в Лифляндии, пополняя их рыцарями из старой Германии и Пруссии, а позднее почти только из Вестфалии. В Пруссии же правили уроженцы Средней и Южной Германии, а также выходцы из Рейнской области.

С конца XIV столетия Великий магистр пытался укрепить свое влияние в Лифляндии, расставляя на наиболее важные посты уроженцев Рейнской области, но этому всячески препятствовали вестфальцы. Осуществление же принципа занятия должности лифляндского магистра непосредственно имперскими представителями стало возможным только с 1526 года, после того как Пруссия утратила свое значение как духовная сила. Следует также отметить, что в XVI веке орден в Лифляндии, а также рижский архиепископ доказали свою принадлежность к империи, послав делегатов для участия в работе рейхстага и поддержав инвестициями деятельность имперского камерального суда⁶⁸.

Порядок занятия официальных должностей Германского ордена в Лифляндии в своих деталях отличался от принятого в Пруссии. Это объяснялось тем, что некоторых ведомств здесь просто не было. Вся лифляндская территория делилась примерно на тридцать областей, которые управлялись подчинявшимися магистру комтурами⁶⁹ и фогтами. Пять из них, а именно из замков Феллин⁷⁰, Реваль, Ервен, Гольдинген⁷¹ и Мариенбург⁷², составляли так называемый «внутренний совет», к мнению которого магистр был вынужден прислушиваться.

Магистру непосредственно подчинялся ландмаршал (с резиденцией в замке Зегеволд⁷³), являвшийся командующим рыцарским войском и «военным министром» ордена. Должность

⁶⁷ **Даго** – шведское и немецкое название острова Хийумаа Моонзундского архипелага.

⁶⁸ **Имперский камеральный суд** – высший судебный орган Священной Римской империи, учрежденный в рамках имперской реформы 1495 г. Явился преемником Королевского камерального суда, находившегося при особе монарха и зависимого от него. С 1527 г. постоянно находился в Шпайере. После разрушения города французскими войсками в 1689 г. суд переехал в Вецлар, где и оставался до ликвидации Священной Римской империи в 1806 г.

⁶⁹ **Комтур**, или командор, – должностное лицо из числа братьев-рыцарей, которое управляло определенной областью орденского государства. На него возлагались церковные, административно-хозяйственные и военные функции. Он, в свою очередь, подчинялся ландмейстеру (провинциальному магистру).

⁷⁰ **Феллин** – город и крепость на территории Эстонии. Замок, строительство которого было начато в 1224 г. на месте бывшего городища, являлся одним из самых мощных в Ливонии. Полностью уничтожен во время польско-шведских войн в начале XVII в. В настоящее время его руины находятся в городе Вильянди.

⁷¹ **Гольдинген** – замок на реке Виндаве, основанный в 1244 г. и считающийся первым замком, построенным немцами в Курляндии, а также старое немецкое название города Кулдига на западе Латвии в исторической области Курземе.

⁷² Имеется в виду Мариенбургский замок, развалины которого находятся на острове в южной части озера Алуksне в Алуksненском районе Латвии.

⁷³ **Зегеволд** – в настоящее время город Сигулда в центральной части Латвии, история которого начинается с момента основания орденом меченосцев замка в 1207 г.

главного финансиста называлась «шафер», и этот служащий располагался в резиденции магистра.

В целом орден в Лифляндии, как и в Пруссии, представлял собой строго централизованную систему должностных лиц, а его доходы складывались из поступлений от сильно развитых индивидуальных хозяйств.

Орден, по сути, до самого конца своего существования являлся вооруженными силами Лифляндии. Кроме братьев-рыцарей, численность которых не превышала несколько сотен (в годы наивысшего расцвета около 500), его войско составляли наймиты или «слуги» окружных начальников (гебитигеров), ленники и вспомогательные солдаты из числа эстонцев и латышей. Последние шли как в конном (свободные крестьяне), так и в пешем строю (простые крестьяне).

Длинные ряды старолифляндских суверенов, насколько можно судить из дошедших до нас источников, составляли практически исключительно немцы. В отношении магистров Германского ордена, большинство из которых происходило из Вестфалии, такое являлось само собой разумеющимся. Однако и прелаты, жизнеописание которых охватывало далекие уголки огромной интернациональной церковной империи, тоже были немцами. Они происходили не только из главных областей переселения германцев в Лифляндию, но и из всех районов, где говорили по-немецки – от Кёльна до Ревалы.

Датское же влияние в Эстонии, которое пытались развить четыре датских ревальских епископа и штатгальтере⁷⁴, в большинстве своем тоже являвшиеся представителями датской короны, со временем закончилось, и то обстоятельство, что рижским архиепископом в 1300–1302 годах был датчанин Изарнус, можно рассматривать как исключение. Управленческие должности на местах, естественно, тоже оказались в руках у немцев.

Уровня епископа Альберта никто из сменивших его церковных иерархов так и не достиг, хотя среди них, конечно, было немало сильных духом и одаренных людей. Среди магистров ордена заметный исторический след, и то в будущем, оставил тоже только один человек – Вальтер фон Плеттенберг.

Суверены и члены соборного капитула были духовными лицами, а братья-рыцари имели отношение к Лифляндии только благодаря своей службе, не являясь продолжателями местных старинных дворянских родов. Немецкий же дух в Лифляндию несли вассалы и жители городов.

Отправными точками расселения на равнинной местности служили замки. Их быстро практически везде стали возводить из камня – строительным материалом служили гранит, известняк и кирпич. Они строились по четырехугольной схеме, разработанной Германским орденом в Пруссии, частично на местах древних окруженных валами замков, исходя из стратегического значения выбираемой точки. И в этой связи поистине впечатляет оборонительная линия, выросшая на восточной границе и представлявшая собой цепь орденских замков и монастырских крепостей, простиравшихся от Дюнабурга⁷⁵ и Розиттен⁷⁶ на юге через Мариенбург и Нейхаузен⁷⁷ до Нейшлоса⁷⁸ и Нарвы на севере. Нередко, как, например, Феллин и Венден, это были исполинские оборонительные сооружения, построенные по последнему слову техники и неприступные для покоренных племен, да и для русских в то время тоже. Они являлись подлинными оплотами новой власти.

Всего наряду с 60 орденскими замками, как уже отмечалось, было воздвигнуто около 40 монастырских крепостей и 40 замков вассалов. К оборонительным сооружениям следует отне-

⁷⁴ **Штатгальтер** – должностное лицо, осуществлявшее государственную власть и управление на какой-либо территории.

⁷⁵ **Дюнабург** – ныне латвийский город Даугавпилс, основанный рыцарями-меченосцами на берегу реки Западная Двина. В исторических источниках замок впервые упоминается в 1275 г.

⁷⁶ **Розиттен** – город Резекне на востоке Латвии, называвшийся так до 1893 г., а в 1893–1917 и 1944–1945 гг. – Режица.

⁷⁷ **Нейхаузен** – замок, расположенный в 7 км от Кёнигсберга, а также населенный пункт вокруг него. С 1946 г. – город Гурьевск Калининградской области Российской Федерации.

⁷⁸ **Нейшлос** – ныне эстонский населенный пункт Васкнарва.

сти также три монастыря цистерцианцев, возникших на равнинной местности и получивших названия: Дюнамюнде, Фалькенау⁷⁹ и Падис⁸⁰.

Из названий замков происходили наименования земель вассалов, которые расселялись для усмирения коренного населения. Особенно широко расселение феодального дворянства отмечалось в конце XIII – начале XIV столетия. Причем вначале условия его проживания были поистине спартанскими, и менялись они в лучшую сторону весьма медленно и не одновременно, а по мере укрепления полученных феодалами прав. Некоторые области целиком были переданы в ленное владение и обжиты лишь позже, например, Земгалия⁸¹ – только в XV–XVI веках. В других же областях, таких как земли архиепископа и Эстония, крепкие вассально-ленные владения возникли еще в XIII веке. Однако латышские области земель архиепископа, в отличие от районов, принадлежавших ранее ливам, похоже, были включены в германскую систему ленных отношений значительно позже. Отдельные же крупные феодалы объединили под своей властью огромные территории уже в XIII столетии и явились значительной силой на пути завоевания новых земель.

Орден, являясь по своей сути военной организацией, в вопросах наделения своих членов землями и соответствующими правами был довольно скуп, чего не скажешь о епископах, которые не могли обойтись без вассалов.

В вассалах в Эстонии нуждались и датчане, которые находили их в той же прослойке министриальных родов, из которых происходили феодалы и в остальных областях. При этом определяющими являлись военные способности человека, на его же социальное происхождение внимания практически не обращалось. Поэтому вначале (а с XV столетия снова) ленниками становились и граждане городов. Однако наделение одинаковыми правами представителей различных слоев общества, связанных между собой в основном родственными отношениями, таило в себе опасность размывания граней между ними. Особенно это относилось к выходцам из Нижней Саксонии и Вестфалии. Поэтому нет ничего удивительного в возникновении кровных уз не только с представителями варяжско-русских княжеских семей из областей Западной Двины, но и совсем незнатных родов покоренных народов. То тут, то там отмечалось посвящение в рыцари людей, не имевших германских корней, – ливов, эстов и латышей, которые затем начинали причислять себя к немцам.

Наряду с феодалами-рыцарями в новых землях в помещичьих усадьбах, на пустых местах под защитой замков и монастырей селились и другие немцы, создавая прослойку работников поместий, ремесленников, земледельцев и мелкопоместных дворян, зависимых от феодала. В результате эта средняя прослойка, к которой принадлежало немало людей, не относящихся к немецкой национальности, к концу Средневековья стала играть весьма заметную роль.

Особую группу составляли служивые люди из числа немцев, работавших у сюзеренов в замках в качестве слуг, работников слесарных мастерских и канцелярии, мастеровых, фогтов, ратников и наемных пехотинцев-ландскнехтов. Это была в социальном отношении весьма пестрая публика, представители которой состояли в различных товариществах и назывались «конюшенными» или «чернью». Последнее название было связано с преданием о том, что их заступник святой Маврикий был чернокожим. Этот термин применялся и в отношении определенной прослойки жителей городов, церковных и военных кругов.

Наиболее густозаселенными немецкими поселениями были и остаются города. Из двенадцати возникших друг за другом укрепленных городов три, а именно Рига, Дорпат и Реваль, по средневековым меркам относились к городам средней величины. Наиболее важными мор-

⁷⁹ **Фалькенау** – немецкое название укрепленного цистерцианского монастыря Кяркна (Керкна), развалины которого находятся к северо-западу от Тарту.

⁸⁰ **Падис** – немецкое название замка-монастыря Падизе, расположенного в Харьуском районе Эстонии.

⁸¹ **Земгалия** (в исторической литературе также Семигалия, на латышском языке Земгале) – одна из пяти исторических областей Латвии, называемая так по древнему балтийскому племени земгалов.

скими гаванями являлись основанные орденом Пернау⁸² и Виндау⁸³. Когда в 1263 году литовцы разрушили епископский город Старый Пернау, орден в 1265 году основал Новый Пернау. Тогда же был заложен Виндау, а немногим ранее Мемель. Позднее Старый и Новый Пернау слились в один город, превратившись в главный порт Дерптского епископства.

Кроме городов возникло почти в два раза больше похожих на них населенных пунктов без крепостных стен и так называемых местечек. Здесь, как и везде на европейском востоке, основание немецких городов несло с собой нечто новое, хотя в большинстве случаев это проходило не по колониальной схеме – поселения вырастали естественным путем из диких корней. Ведь места, где при самом деятельном участии немецких торговцев возводились такие большие торговые города, как Рига, Дорпат и Реваль, крупным купцам были знакомы давно. Но и в городах среднего масштаба, таких как Пернау и Нарва, так же как и в небольших местечках, кипела торговая жизнь. А это способствовало быстрому притоку в них ремесленников. Продолжавшееся переселение немцев из Германии привело к появлению плотной сети личных, родственных и деловых отношений, охватившей в скором времени все немецкие торговые площадки в районе Балтийского моря.

Вначале в этом по большей части принимали участие выходцы из Вестфалии, но и в дальнейшем их преобладание сохранялось. Причем часть из них использовала Любек непосредственно, а другая опосредованно, поскольку данный город тогда был единственным выездным портом. Но и в дальнейшем его роль в этом вопросе еще долго оставалась весьма заметной.

Вестфальским являлся и метод строительства жилых домов, которые сначала возводились из дерева, а позднее, как и магазины, стали сооружаться из камня. По вестфальскому образцу повсеместно строились и зальные храмы, самым крупным из которых являлся Рижский собор, фундамент которого заложил в 1211 году епископ Альберт.

Этот стиль в строительстве сохранялся повсюду вплоть до XIV столетия, когда за образец строительного дела стали брать церковь Девы Марии в Любеке и начали использовать кирпичную кладку. В таком северогерманском стиле был возведен целый ряд знаменитых башен, в том числе и в Ревале.

Германский дух, пронизывающий архитектуру старой Лифляндии, является ярким выражением настроения, царившего в новой немецкой колонии. Простые формы церковных строений, строгость и экономия, присущие всему средневековому архитектурному стилю старой Лифляндии, говорят о трезвом подходе в решении всех строительных вопросов. Однако жесткость не исключала монументальности, можно даже сказать, широты размаха при планировании застройки колонии, что привело к возведению величественных и исполинских строений, о чем хорошо сказал балтийский немецкий искусствовед Георг Готфрид Юлиус Дехио: «В этой архитектуре отчетливо просматривается, что она происходит от людей, повидавших белый свет и поступки которых определяла сила воли. Они бесстрашно проникли в аморфный мир и каждодневным упорным трудом в условиях постоянных жестоких сражений создали новые условия бытия». Растущее благосостояние населения в годы позднего Средневековья способствовало развитию искусства и позволило создать здесь богатые строительные и цветовые формы, которые, правда, подверглись разрушительному воздействию бурных событий последующих столетий и оказались почти полностью утраченными.

Но и сохранившееся говорит о том, что созидательными силами при этом являлось уважение к закону и благовоспитанность, развитое художественное и строительное искусство, а также высокий уровень образования, что нашло отражение в различных науках, поэзии и исторических описаниях. Хотя от средневековых прибалтийских летописей, написанных на немецком и латинском языках германцами, преимущественно из числа духовных лиц, сохранилось

⁸² **Пернау** – старое немецкое название портового города Пярну на юго-западе Эстонии.

⁸³ **Виндау** – старое немецкое название портового города Вентспилс в Латвии.

не так и много. Наиболее же древние памятники письменного искусства на латышском и эстонском языках относятся только к временам Реформации⁸⁴.

При этом многие поэтические произведения средневековых лифляндских поэтов оказались утраченными. К числу же сохранившихся и наиболее значимых памятников литературного искусства относится стихотворная лифляндская хроника, написанная на рубеже XIII–XIV веков на средневерхненемецком языке неизвестным поэтом, которым предположительно являлся один из рыцарей ордена, описавший события 1280–1290 годов зачастую как их непосредственный участник. Его произведение пронизывает преклонение перед силой, мощью германского оружия и осознание важности рыцарских ценностей, к которым относилось и уважение к мужеству языческого противника. В нем описывается и знамя, под которым сражались латыши во время одной из битв на стороне рыцарей ордена против союзных литовцам земгалов. Это было полотнище с широкими бордово-красными полосками, располагавшимися по краям, и узкой белой полосой посередине, которое с 1918 года стало государственным флагом Латвии.

Наряду с автором стихотворной лифляндской хроники заслуживает упоминания и дорпатский учитель, монах из ордена кармелитов⁸⁵ Степан, предположительно родом из Любека. Он являлся редактором написанной на нижненемецком диалекте поучительной «Книги по игре в шахматы» (середина XIV века). Ее тоже можно отнести к поэзии, которую, как и изобразительное искусство того времени, отличает то, что она относится к колониальному произведению, имеющему свое своеобразие с чертами особой судьбы – в Средние века в Лифляндии университета не было, но связи с университетами Германии, Франции и Италии отчетливо ощущались.

В монастырях, у прелатов и магистров ордена были свои библиотеки. Однако в XVI веке все они оказались разрушенными, а содержащиеся в них книги разошлись по рукам. Это относится, прежде всего, к монастырским библиотекам в Риге, Ревале, Падисе и Дорпате, к архиепископским хранилищам книг в Кокенхузене⁸⁶, Роннебурге⁸⁷ и Риге, а также библиотеке ордена в Вендене.

Из средневековых учебных заведений после неоднократного запустения до наших дней дожили лишь соборные школы в Ревале и Риге, а вот монастырские школы, как и соборные школы в Дорпате и Пернау, с лица земли исчезли. Тем не менее к носителям духовного Просвещения, каковыми являлись священники, присоединялись, насколько можно судить по их происхождению, и представители коренных народов. С XIV столетия они стали преподавать в светских городских школах во всех немецких землях.

Немецкие поселения, представлявшие собой поселки с разбросанной застройкой, оказали глубокое влияние на судьбы народов Прибалтики, но они не служили целям полной колонизации. При этом орден, конечно, заботился о крестьянах из числа германских переселенцев, о чем однозначно можно судить по записям лифляндского вице-магистра Георга в Любеке от 27 апреля 1261 года. В них говорится, что в XIII веке после тяжелого поражения у озера Дурбе орден обещал желавшим переехать в Лифляндию немецким крестьянам освобождение от налогов сроком на шесть лет и всяческую помощь.

Однако немецкие крестьяне на этот призыв не откликнулись, и причины этого до сих пор не понятны. Ведь попытки объяснить это тем обстоятельством, что сухопутные пути сле-

⁸⁴ **Реформация** – широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе в XVI – начале XVII в., направленное на реформирование католической церкви.

⁸⁵ **Кармелиты** – монашеский орден, связанный традициями с духовностью монахов-отшельников с горы Кармель и признающий своими небесными покровителями пророков Илию и Елисея, а также святого Илариона Великого.

⁸⁶ **Кокенхузен** – старое немецкое название латвийского населенного пункта Кокнесе, расположенного примерно в 100 км к востоку от Риги.

⁸⁷ **Роннебург** – историческое название населенного пункта Рауна в северной части Латвии.

дования оказались перекрыты литовцами, а ехать морем крестьяне опасались, действительно-сти не соответствуют. Во-первых, один сухопутный путь из Пруссии в Лифляндию, пусть даже опасный и частично на небольшом отрезке пролежавший по чужой территории, существовал, и им пользовались довольно часто. Он шел по побережью через Мемель и Поланген⁸⁸. А во-вторых, на кораблях крестьяне передвигались охотно, о чем свидетельствуют те же записи от 1261 года. В них содержится прямое распоряжение о необходимости предоставить суда для желающих переехать и подготовить для этого Мемель.

Больше понимания в попытке получить ответ на поставленный вопрос дает рассмотрение природных условий в Лифляндии, а также особенностей ее политического положения и социальных отношений. На севере земля была тверже, а климат гораздо суровей, чем в Пруссии. В общем, это был неласковый и далекий край. Место на корабле стоило дорого, и в целом переселение в Лифляндию требовало больших усилий, которые вряд ли могла компенсировать притягательность новых мест. В результате для расширения крестьянских поселений, похоже, не хватало людей.

Помимо того, местных крестьян, которые были хорошо приспособлены к тамошним жизненным условиям и не столь притязательны, как колонисты, при существовавших условиях заменить оказалось не так-то легко. При этом важным обстоятельством выступало то, что прибывшие землевладельцы не могли свободно передвигаться по лесам, а при создании поселений на месте выкорчеванных деревьев поневоле брали себе компаньонов, что повышало затраты. К тому же дикие на первый взгляд местности оказывались отнюдь не безлюдными. В результате, поскольку землевладельцам приходилось тратить на вооружение, что сильно их перегружало, а политические и материальные силы в крае были сильно раздроблены, финансовые возможности колонистов оказывались весьма ограниченными. И эта проблема, очевидно, оставалась нерешенной и во времена ранних завоеваний, и после 1261 года. Таким образом, предпосылки для колонизации здесь заметно отличались от тех, что были свойственны Пруссии.

К тому же в Лифляндии хватало и чужих поселений. На эстляндском побережье и на островах примерно с 1270 года, скорее всего пользуясь поддержкой различных заинтересованных лиц – Эзель-Викского епископа, отдельных феодалов и предпринимателей, а также, возможно, города Реваль, обосновались шведские рыбаки, охотники за тюленями, лоцманы и даже крестьяне. При этом постройка шведских поселений на побережье должна была обходиться гораздо дешевле, чем обоснование германских крестьян в глубине края. В тамошних условиях само собой получилось так, что, устремляясь в Финляндию, шведы стали расселяться и на побережье Финского залива. При этом, похоже, можно различить два периода такого расселения: первый начался с середины XIII столетия, а второй – с крупного восстания эстонцев в 1343 году, который продлился до конца Средних веков.

⁸⁸ Поланген – до 1917 г. официальное название города Паланга на западе Литвы.

Борьба Германского ордена за господство в Лифляндии

Германский орден попытался установить в Лифляндии единую властную систему, намереваясь добиться там такого же положения, что и в Пруссии. Однако, несмотря на все успехи, эта «борьба за унитарное государство», определявшая внутреннее содержание развития этого края в Средние века, к намеченной цели не привела – слишком мощными оказались противодействовавшие силы. Но и архиепископ, в чьем лице воплощались в жизнь традиции, заложенные основателем государства Альбертом, и который был неутомимым соперником ордена на протяжении двух веков, также не обладал необходимой силой для объединения края под своим началом. Он не мог решить задачу, исторически предназначавшуюся ордену. В результате противоборство между орденом и архиепископом, принимавшее порой весьма ожесточенный характер, являлось в определенной степени выражением внутренней слабости германской колонии в Лифляндии, чему еще со времен Альберта способствовала и политика Папской курии, выражавшаяся в принципе: разделяй и властвуй.

Решающее значение, определявшее вес и роль в крае, имело обладание самым большим и наиболее важным лифляндским городом Ригой. Находившийся в ней чиновник, который первоначально был всего лишь епископским фогтом, в течение XIII столетия превратился в весомого городского служащего, а сам город, по документам как минимум с 1282 года, входил в систему опорных пунктов Ганзы. Поэтому утверждение о том, что кто владеет Ригой, тот и правит бал, не теряло своей актуальности до XVI века включительно.

В 1274 году орден добился от Рудольфа I⁸⁹ переноса в Ригу гражданского суда, но в 1297 году в городе из-за пустячного повода произошли волнения, на самом деле вызванные ненавистью жителей к растущему гнету со стороны рыцарей. Эти волнения, выразившиеся, в частности, в том, что горожане взяли штурмом и разрушили орденский замок, а также казнили комтура и братьев-рыцарей, имели далекоидущие последствия. Орден затаил обиду, но с мстостью не спешил, отложив ее на несколько десятилетий. Постепенно ему удалось разрушить достигнутое архиепископом единство в стане своих врагов в Лифляндии и на время заключить архиепископа под стражу. Однако Рига в союзе с язычниками-литовцами добилась от парламента Любека перемирия.

Такой баланс сил орден, конечно, не устроил, и он стал поднимать край на борьбу. В 1304 году им был заключен союз с епископами и феодалами Дорпата и Эзеля, а также датскими рыцарями, а в 1305 году куплен цистерцианский монастырь Дюнамюнде, который рыцари превратили в комтурство⁹⁰ и стали оттуда угрожать морскому сообщению Риги – основе основ жизнедеятельности города. Тогда архиепископ прибег к единственному оставшемуся у него средству – он отправился в Авиньон⁹¹ и возбудил против ордена судебный процесс, проходивший с переменным успехом – сначала орден был подвергнут опале, но затем это решение было пересмотрено.

Однако в крае орден был настоящим властителем. В 1316 году он заключил сепаратное соглашение, получившее название Зегевальдского союза, с вассалами рижского архиепископа и рижским Домским капитулом с тем, чтобы ослабить позиции архиепископа по всей Ливонии и оставить его без верных союзников, а в 1319 году добился победы в Папском суде, который

⁸⁹ **Рудольф I** (1218–1291) – король Германии с 29 сентября 1273 г., первый представитель династии Габсбургов на престоле Священной Римской империи и основатель Австрийской монархии Габсбургов.

⁹⁰ **Комтурство** – минимальная административная единица в составе Германского рыцарского ордена.

⁹¹ С 1309 г. по 1378 г. резиденция пап находилась не в Риме, а в Авиньоне во Франции. В 1309 г. Климент V, француз по национальности, ставший папой вскоре после поражения Бонифация VIII в конфликте с королем Франции Филиппом IV Красивым, пересел в Авиньон. Этот город, принадлежавший графам Прованса, папа Климент VI выкупил в 1348 г. в свою собственность.

признал правомерность покупки Дюнамюнде. Судя по всему, у ордена были длинные руки, но основной вопрос так и оставался нерешенным: удастся ли рыцарям изменить соотношение сил на северо-востоке края в свою пользу?

В Риге орден смог достичь своей цели лишь в течение следующего десятилетия. Если не считать спровоцированных рижанами и поощряемых ими нападений литовцев, представлявших собой большую опасность, и с которыми рыцари до конца справиться не могли, ордену удалось добиться многого – в марте 1330 года его магистр Эберхард фон Монхайм после шестимесячной осады поставил Ригу на колени. Город признал верховную власть орденского магистра, предоставил право участвовать в заседаниях городского совета комтуру рижского замка, отказался от половины судебных притязаний, разорвал связи с литовцами, обязался помогать ордену во всех его военных кампаниях, а кроме того, был вынужден выделить место для постройки нового укрепленного замка. В 1332 году император Людвиг Баварский закрепил достижения ордена, провозгласив его полное верховенство над Ригой.

Однако архиепископы не прекратили борьбу, продолжая подавать протесты в Папскую курию. Сначала они добились успеха, и в 1354 году орден несколько раз подвергался опале, а в 1359–1360 годах курия приняла решение в пользу архиепископа, признав за ним верховную власть над Ригой. Под угрозой строжайшего наказания орден был вынужден уступить.

В те годы орден под руководством величайшего Великого магистра Винриха фон Книпрое добился в сражениях с литовцами ощутимых успехов – в 1362 году им был взят город Кауэн⁹². В то же время, несмотря на имевшийся договор о нейтралитете, рыцари оказались втянутыми в противостояние между городами Ганзы и датским королем Вальдемаром IV Аттердагом, постоянно нарушавшим условия перемирия. Хорошо осознавая угрозу неизбежного столкновения с Данией, Великий магистр понимал, что ему необходимо укрепить свои позиции в Лифляндии, а для этого необходимо было чем-то пожертвовать.

Не без сильного давления со стороны соседних государств он согласился на переговоры, и 7 мая 1366 года в Данциге⁹³ был подписан договор, согласно которому Рига возвращалась под юрисдикцию архиепископа, но взамен орден выходил из-под его ленной зависимости. Однако папа этот договор не одобрил, и поэтому он так и не вступил в силу. К тому же такая договоренность не устраивала и обе заключивших его стороны.

Вскоре после этого спор разгорелся с новой силой, перейдя в другую плоскость и представляя собой, по сути, борьбу между духовным и материальным началом. Для придания большего политического веса членам капитула и более тесной привязки интересов феодальных родов к архиепископству в 1373 году архиепископ заменил премонстрантские правила рижского соборного капитула на августинские⁹⁴. Орден же старался распространить свое могущество, используя для этого все свои политические, финансовые и военные средства, а также умело играя на противоречиях между монастырями. В результате в 1373 году город Реваль написал папе, что без защиты рыцарей в Лифляндии все оказалось бы разрушенным, а «вся страна» вновь была бы занята неверными. В Эзеле же ордену удалось посадить в епископское кресло племянника Великого магистра Винриха фон Книпрое, на сторону которого перешла часть архиепископских вассалов.

Орден вновь доказал, что, кроме него, никто не обладал в Лифляндии всей полнотой власти и что он намерен ее укреплять. Когда же в 1388 году в его залоговое владение перешел стратегически важный замок Икскуль, находившийся в вассальной и ленной зависимости от архиепископа, то архиепископ выхлопотал у папы очередную буллу об отлучении ордена от

⁹² **Кауэн** – ныне литовский город Каунас.

⁹³ **Данциг** – немецкое название города Гданьск, сегодня относящегося к Польше, но прежде располагавшегося в Пруссии. Немцы стали селиться в городе с XII в., а 14 ноября 1308 г. он был захвачен рыцарями Тевтонского ордена и с 1361 г. входил в состав Ганзейского союза.

⁹⁴ **Августинцы** – один из римско-католических орденов, названный в честь святого Августина Гиппонского.

церкви, а с 1391 года лично развил за границей кипучую деятельность, создавая враждебные ордену политические союзы.

Тем временем орден конфисковывал доходы архиепископства. Еще в июле, да и в октябре 1392 года тоже, отношение к нему в Риме было чрезвычайно плохим. Но затем внезапно произошел поворот на сто восемьдесят градусов, что явилось следствием возросших финансовых возможностей ордена и успехом в Риме орденской дипломатии, которая без всяких сомнений учла большие политические амбиции Папской курии. В результате в период начиная с осени 1393 года и кончая весной 1394 года на свет появилось несколько булл, провозгласивших присоединение архиепископства к ордену. Архиепископом же стал двоюродный брат Великого магистра Иоганн фон Валленроде. Отныне право занимать пост архиепископа, а также члена соборного капитула получал исключительно только брат-рыцарь, а само архиепископство становилось частью Германского ордена.

Тем не менее, несмотря на столь большой успех, ордену еще долго пришлось бороться за установление своего господства, ведь его победа не была окончательной – в Дорпате рыцарям сразу закрепиться не удалось, а сам дорпатский епископ Дитрих Дамеров стал душой сопротивления ордену в Лифляндии. Этому епископу, путем привлечения на свою сторону Литвы и знаменитых пиратов Балтийского моря братьев-вительеров, удалось создать антиорденскую иностранную коалицию.

Однако дипломаты Великого магистра Конрада фон Юнгингена смогли разрушить эту коалицию, а его магистр в Лифляндии одержал ряд военных побед. И все же урегулирование спорных вопросов произошло только в середине июля 1397 года в Данциге при определенном учете интересов Пруссии. Оно завершилось в пользу лифляндского подразделения Германского ордена, который находился в то время перед лицом новой внешней угрозы, возникшей в результате заключения в 1386 году брака между Великим князем Литовским Ягайло и польской королевой Ядвигой, а также объединения в 1397 году Скандинавских государств в Кальмарскую унию⁹⁵.

Тем не менее результаты встречи в Данциге для лифляндского подразделения Германского ордена оказались достаточно плохими. Несмотря на то что инкорпорация Рижского епископства к ордену сохранялась, он не мог рассчитывать на призыв в свое войско монастырских вассалов и обязан был следовать тяжелому для него приказу Великого магистра Конрада фон Юнгингена в отношении порядка подчиненности сюзеренов, что очень отрицательно сказалось на ленном наследном праве феодалов в Харту и Вирланде.

Весь же XV век прошел под знаком заката власти Германского ордена, начало которому положил несчастливый для него 1410 год, хотя при частичном вмешательстве лифляндских рыцарей после битвы при Танненберге⁹⁶ Великому магистру Германского ордена Генриху фон Плауэну и удалось отстоять замок Мариенбург. Поэтому при заключении мирного договора в городе Торунь в 1411 году присутствовал и лифляндский магистр.

Отношения Лифляндии с Пруссией не являлись однозначными и определялись то лифляндскими интересами, то прусским влиянием. При этом большое значение имела помощь, которую с 1454 года лифляндский магистр оказывал Пруссии в ее решающей войне с прусскими племенами и стоявшей за ними Польшей. Конечно, Торуньского мира 1466 года⁹⁷ избежать не удалось, но орденское государство как таковое было спасено.

⁹⁵ **Кальмарская уния** – союз между тремя северными государствами: Данией, Швецией и Норвегией, просуществовавший с 1397 по 1523 г. Власть была сконцентрирована в руках одного правителя – королевы Дании Марго, а впоследствии ее сына Эрика.

⁹⁶ Битва при Танненберге, или Грюнвальдская битва, – решающее сражение, происшедшее 15 июля 1410 г., во время которого союз Королевства Польского и Великого княжества Литовского под предводительством короля Владислава II Ягайло и великого князя литовского Витовта одержал решающую победу над войском Германского (Тевтонского) ордена.

⁹⁷ Имеется в виду второе соглашение, заключенное 19 октября 1466 г. Оно подтвердило принадлежность Польскому коро-

Положение ордена в Лифляндии заметно осложняли распри между различными землячествами, в первую очередь между выходцами с Рейна и из Вестфалии, что в значительной степени мешало довести до победного конца борьбу с притязаниями епископов. Временами дело доходило даже до приостановления инкорпорации епископства. Так, в 1426 году Мартин V⁹⁸ возвратил рижскому соборному капитулу августинские правила, а начиная с 1435 года орден был вынужден признавать их и в будущем. Однако в вопросах традиций он все равно вышел победителем – в 1451 году архиепископство было окончательно инкорпорировано. Тем не менее борьба за власть продолжалась.

Последним выразителем претензий архиепископов на власть явился дослужившийся до должности канцлера Великого магистра уроженец города Торунь Сильвестр Штодевешер, начавший свою карьеру как сторонник ордена, а затем, уже будучи архиепископом, превратившийся в его лютого врага. Антагонизм крылся в рижском вопросе. Несмотря на решение папы от 1360 года, подтвержденное в 1425 году, подлинным хозяином города оставался орден. В 1435 же году между магистром ордена и архиепископом было заключено перемирие на двенадцать лет.

Перед лицом опасности возникновения в Лифляндии союза городов по прусскому образцу⁹⁹ архиепископ Сильвестр пошел с магистром на соглашение, поделив с ним власть над Ригой, что было закреплено в Кирхгольмском договоре от 30 ноября 1452 года. Это явилось временным компромиссом, поскольку как только одна из сторон чувствовала себя достаточно сильной, то старалась вытеснить другого участника договора из города. В частности, такая попытка была предпринята архиепископом весной 1454 года. Вначале она казалась успешной, но еще осенью того же года закончилась полным провалом, так как ордену удалось переманить на свою сторону архиепископских вассалов.

В свою очередь несколько позже, уже при магистре Бернхарде фон дер Борхе, орден тоже попытался взять верх, что привело к многолетней ожесточенной борьбе – архиепископ, который в 1474 году был вынужден на шестьдесят лет отказаться от суверенного права в отношении Риги, заключил союз со шведом Стеном Стуре¹⁰⁰ и выступил с инициативой отлучения ордена от церкви с намерением вытеснить его из края. Однако высадка шведов, которым Сильвестр обещал отдать земли ордена, привела к объединению лифляндских племен под руководством магистра, и весной 1479 года он выступил против архиепископа с войском. Вассалы бросили своего архиепископа, и архиепископство было магистром оккупировано. Сам же архиепископ, закрывшийся от рыцарей в своем замке в Кокенгузене, попал в плен.

В Папской же курии орден успеха не добился, да и город Рига тоже не хотел признавать его главенство – в 1484 году горожане даже несколько раз разрушали рижский орденский замок. Тем не менее, несмотря на растущую русскую угрозу, в 1491 году ордену все же удалось победить жителей Риги, чему способствовало то обстоятельство, что с 1485 года на его сторону стал новый и более стоворчивый архиепископ. А 9 января 1492 года Кирхгольмский договор был возобновлен.

Под руководством же магистра Вальтера фон Плеттенберга (в 1494–1535 годах) орден пользовался в крае уже безоговорочной властью. Однако к тому времени мир сильно изме-

левству всей Пруссии, а также закрепило переход к нему западной части владений Германского ордена – Померании в районе Данцига, Хелминской и Михаловской земель, земель по Висле с городами Мариенбург (Мальборк) и Эльбинг (Эльблонг), а также епископства Вармия в Пруссии. После этого территория ордена сократилась почти вдвое. По этому же договору Лифляндский (Ливонский) орден был объявлен независимым от Германского (Тевтонского) ордена.

⁹⁸ **Мартин V** (1369–1431) – папа римский с 11 ноября 1417 г. по 20 февраля 1431 г.

⁹⁹ Имеется в виду так называемый Прусский союз – организация немецких городов и духовенства, созданная в 1440 г. для противодействия в союзе с поляками Тевтонскому ордену.

¹⁰⁰ **Стуре** Стен Старший (1440–1503) – регент Швеции с 16 мая 1470 г. по 18 октября 1497 г. и с ноября 1501 г., который своей деятельностью подготовил окончательное расторжение Кальмарской унии и восстановление шведской государственности.

нился. Не успели противодействующие ордену силы покориться, как политические устои духовной жизни старой Лифляндии были до основания потрясены Реформацией. Тем не менее даже в таких условиях у ордена хватило сил и возможностей придать краю новый государственный порядок.

Рыцарство. Крестьянство. Города

Настоящими победителями из междоусобной борьбы лифляндских сюзеренов вышли немецкие города. И это обстоятельство наложило самый серьезный отпечаток на все дальнейшее развитие края. Конечно, отдельные представители суверенной власти здесь тоже успешно продвигали абсолютистские тенденции, характерные для Западной и Центральной Европы. Среди таких феодалов выделяется магистр Вальтер фон Плеттенберг, а из числа епископов в первую очередь следует упомянуть Иоганна Кивеля, являвшегося в 1515–1527 годах епископом Эзеля, и Иоганна Бланкенфельда, мудрого рижского архиепископа в 1524–1527 годах, прославившегося еще и как дорпатский епископ в 1518–1527 годах.

Однако возникновение подобных тенденций было возможно только на землях, непосредственно подвластных ордену, а не во всей Лифляндии. В результате сильные германские фамилии смогли там утвердиться и еще в Средние века придать краю четко выраженные черты, духовную составляющую которых позже переняли пришедшие туда иноземные правители.

Сословие феодалов развивалось в Лифляндии на основе усовершенствованного саксонского ленного права. Наделение леном осуществлялось главным образом с правом передачи его по наследству по мужской линии, что хорошо просматривается в дошедших до нас частных лифляндских сборниках обычного права, работах аспирантов, а также в «Саксонском зеркале»¹⁰¹. В Харью и Вирланде в 1315 году такое право ввел еще датский король Эрик VI.

Ленное право, или так называемое Вальдемар-Эрихское право, введенное датскими королями Вальдемаром и Эриком, сохраняло силу в отношении монастырей на протяжении всего XIV столетия, а старинное рыцарское право было переработано. К этому веку относится также и лифляндский свод законов относительно обычного и ленного права, явившегося переработкой «Саксонского зеркала». Однако так называемое «Среднее лифляндское рыцарское право» появилось еще до 1422 года, которое в XVI столетии было вновь переработано.

Представители рыцарства, возникшего первоначально как профессия, основанная на рыцарской боеспособности, постепенно превращались в родовых дворян, проживавших на одной территории и связанных между собой одной верой, а также кровными узами. Позднее, после создания орденской территории, к этому добавилась еще и общность интересов. Устремления феодалов основывались на тесном единении и сплочении их усилий в получении большего наследственного права за счет расширения своих ленных угодий и гарантированного учета их голоса в земельном правительстве.

При этом примером и образцом для них служило положение рыцарей в Харью и Вирланде, которые в условиях довольно слабого положения датских войск еще в середине XIII века, точнее, к 1259 году образовали корпоративное товарищество и очень скоро добились значительного самоуправления. Во всяком случае, именно к 1282 году относится первое упоминание о действовавшем там земельном правительстве, представлявшем собой назначенных королем советников из числа рыцарей, которые вместе с королевским наместником составляли верховный земельный суд и высший орган управления. Королевский совет, превратившийся в земельное правительство, дополняли самообновляемые местные советы рыцарей, собиравшиеся под руководством рыцарских капитанов на мантаги¹⁰². Вальдемар-Эрихское ленное право закрепило передачу ленных угодий по наследству и наделяло вассалов правом вершить суд над проживавшими в них крестьянами.

¹⁰¹ «Саксонское зеркало» – старейший и для своего времени самый значительный свод немецких законов, своеобразный сборник германского права, составленный около 1230 г. немецким юристом Эйке фон Репковом.

¹⁰² Мантаг – собрание всех вассалов архиепископства.

Став в 1346 году полноправным хозяином в крае, орден не смог внести какие-либо изменения в положение рыцарей в Харью и Вирланде. Более того, в конце XIV века он даже был вынужден пойти на очень важную уступку – милостью Конрада Юнгингена от 1397 года обратный переход в собственность ленного имения вассала в случае его смерти стал невозможен. Все имущество и земельные наделы отныне доставались по наследству родственникам до пятого поколения включительно, в том числе и по женской линии. Таким образом, право сюзерена распоряжаться выделенным вассалу ленным владением было практически прекращено.

В епископствах участие вассалов в земельных правительствах просматривается уже в XIII столетии, что является само собой разумеющимся, ведь епископы как в военное, так и в мирное время не могли обойтись без своих ленников. В XIV же веке развитие союзов вассалов в земства было завершено, а в XV столетии их политический вес стал проявляться все сильнее.

Епископские вассалы, которые поддерживали орден в борьбе против их духовных сюзеренов, тоже одни за другими получили расширение своих прав на наследование. Сначала в 1452–1454 годах это коснулось Эзель-Викского и Дорпатского епископств, а затем и большей части вассалов архиепископа, когда в 1457 году архиепископ Сильвестр Штодевешер издал соответствующее послание. Эти вассалы уже в XIV веке тоже обладали правом вершить суд над крестьянами, проживавшими в их ленных угодьях.

В отличие от вновь прибывавших в Лифляндию господ, рыцари края по мере достижения все новых успехов в политической жизни все серьезнее ощущали себя истинными выразителями его интересов. Причем дуализм, свойственный старейшему германскому территориальному государству, в старой Лифляндии больше всего ощущался именно в землях, принадлежавших епископам. Ведь ленную присягу вассалов определял второй пункт старинного рыцарского права, который объясняет их отношение к епископам и в целом поведение балтийского рыцарства, как, впрочем, и всех прибалтийских немцев в более поздние времена. А вот вассалы ордена, проживавшие за пределами Харью и Вирланда, получили такие же наследные права и права вершить суд над крестьянами только после прекращения господства ордена в крае в 1561 году.

Что же касается крестьянства, то по мере укрепления в крае лифляндских феодалов его права постоянно ограничивались. Наделение вассалов ленами и сюзеренным правом вершить суд над крестьянами сначала не отразилось на социальном положении латышей, ливов и эстов. Наоборот, частные имущественные права покоренных народов, например на возделываемые поля и водоемы, были во многих случаях однозначно подтверждены. И только потом по мере укрепления и развития собственного хозяйства вассалов общественно-правовые нагрузки, возложенные на покоренные народы, постепенно стали превращаться в экономическую зависимость, что, в общем, было характерно для процесса возникновения средневековой сеньориальной власти во всей Европе. Можно сказать и так – в главных своих чертах этот процесс в Лифляндии соответствовал тому, что происходило в других восточногерманских колонизируемых областях.

Усиление экономического интереса феодалов, рост потребности в привлечении местных жителей для работ на своих полях, недостаток рабочей силы в слабозаселенных районах, а также постоянно растущая задолженность крестьян своему сюзерену способствовали закабалению крестьянства. Договоренности же с вождями лифляндских племен о выдаче беглых привели в XV столетии к закреплению крестьян на клочках земли и их крепостной зависимости. Когда к 1500 году право на владение землей сменилось феодальной властью сеньора, это привело к усилению крестьянского бремени и прежде всего увеличению оказываемых крестьянами услуг, ставших их главной обязанностью. Вместе с тем происходил и рост благосостояния, который не оставил в стороне и крестьянство. Поэтому его рабочее пространство в годы позднего Средневековья и в XVI веке нельзя рассматривать слишком прямолинейно. Ведь крестьян

привлекали не только к труду на полях, но и к другим видам деятельности, в том числе и к торговле. Кроме того, они торговали также уже в своих интересах с соседями в России и на море.

Потерю крестьянством свободы передвижения не могла предотвратить даже потребность городов в притоке рабочей силы, что привело к ожесточенной и длительной напряженности в отношениях Ревалю с аристократией. Справедливое изречение о том, что «городской воздух уже давно несет с собой свободу», превратилось в норму городского права балтийских городов лишь значительно позже – сначала в 1515 году в Ревале, а в 1543 году и в Риге. Но беглых крепостных большие города не выдавали и раньше.

До потери старой Лифляндией своей самостоятельности во всех ее областях сохранялось несколько категорий свободных крестьян, среди них и постепенно исчезающая прослойка зажиточных людей из числа покоренных народов. Кроме не попавших в крепостную зависимость или вновь освобожденных от нее крестьян-ростовщиков в рыцарские времена существовали также малые сюзеренные вассалы, которые в конном строю сопровождали на битву своего господина. Наиболее известными среди таких свободных крестьян являлись так называемые «куршские короли»¹⁰³. Одним такого «короля», а именно Андреаса Пеннека, магистр ордена Вальтер фон Плеттенберг в 1504 году награждал даже небольшим участком земли за отличия в ратном деле против русских. В войнах с русскими куршский король обычно выступал в качестве знаменосца курляндского крестьянского отряда. В Ервене, судя по всему, свободные местные жители, обязанные нести воинскую повинность, тоже составляли многочисленные отряды, прибывая для участия в битвах с русскими с собственными лошадьми и вооружением.

В политической жизни, правда, эта прослойка большой роли не играла. Более того, находясь с другими не немецкими крестьянами в одной юрисдикции, она уже в XVI веке стала исчезать. Исключение составили только продолжавшие процветать свободные крестьяне, первоначально принадлежавшие вождю ливов и проживавшие в районе Кирхгольма¹⁰⁴, а также «куршские короли» в семи деревнях недалеко от замка Гольдинген, численность которых, по официальным данным 1853 года, составляла около 400 человек обоего пола и существующих до сегодняшнего дня. Однако в целом судьба латышей, и в первую очередь ливов, растворившихся в результате глубоких социально-исторических преобразований в массе латвийского народа, как, впрочем, и эстов, на протяжении пяти веков тесно связана с историей развития в этом крае сельского хозяйства.

Наряду с феодальными владениями большую роль в политической жизни Лифляндии постепенно стали играть основанные орденом и епископами три больших города – Рига, Дорпат и Реваль. Численность их жителей к концу Средних веков соответственно оценивалась в 8000, 6000 и 4000 человек. А вот небольшие города, которых, в отличие от Пруссии, насчитывалось не так уж и много, большого влияния не имели. Причем развитие городского права происходило не одинаково.

В Риге, где первоначально было введено германское городское право¹⁰⁵ готландского города Висбю, в конце XIII века оно оказалось замененным на гамбургское право, которое в дальнейшем развилось в рижское право и распространилось на большинство других лифляндских городов, в частности на Дорпат, Хапсаль, Вейсенштейн, Феллин, Венден, Гольдинген, Виндау, Пильтен, Газенпот и другие. В целом рижское право получило семнадцать городов. При этом юридические инструкции для всех них давал суд Риги.

¹⁰³ «**Куршские короли**» – конфедерация шести родов потомков местных вассалов Ливонского ордена, существовавшая в XIV–XX вв. в окрестностях города Кулдига в Курляндии на территории сегодняшней Латвии. Они происходили из вождей древних куршей (древнелатышская народность), которые в XIII в. добровольно приняли крещение и помогли ордену в борьбе с язычниками, за что им была дана свободная от всяких податей и трудовых повинностей земля.

¹⁰⁴ **Кирхгольм** – ныне латвийский город Саласпилс.

¹⁰⁵ **Городское право** – это система правовых норм, которые регламентировали социальные, политические и экономические отношения в городах Европы в Средние века.

В Ревале в 1248 году сначала было введено любекское право, которое перешло оттуда в Нарву и Везенберг¹⁰⁶. Апелляции по вопросам морского права некоторое время из них шли в Висбю, а с XIV века – в Любек. О том, насколько тесными в XIII столетии являлись связи Ревалю с Любеком, можно судить по заявлению ревальского городского совета от 1257 года, которое гласило: «Оба города принадлежат друг другу, как две руки на распятии».

В германских городских советах лифляндских городов всегда заправляли аристократы, но его состав дополняли представители купечества. Тем не менее в правовом отношении до патрициата¹⁰⁷ ни в одном из них дело не доходило – лифляндские города оставались колониальными городами, численность населения которых ввиду оттока и притока людей постоянно менялась.

Городской парламент в них организовывался по примеру метрополии артельным образом, правда, в Ревале в первое время ощущалось сильное влияние Дании. Гильдии же, обнаруживающиеся уже в XIII столетии, первоначально представляли собой чисто религиозно-благотворительные и компанейские братства без разделения по профессиональной принадлежности. В Риге из Гильдии Святого Креста и Святой Троицы, возникшей, как свидетельствуют находки, в 1252 году, в 1352 году развилась гильдия, получившая в дальнейшем название Малая гильдия Св. Иоанна, а затем Цех Зоэста, объединившая всех ремесленников, а в 1354 году – Общая компания торговых людей, называвшаяся Большой гильдией или Гильдией Св. Марии, превратившейся в Цех Мюнстера. В Ревале же среди всех прочих существовали Гильдия святых мощей (наиболее ранние находки указывают на XIII век), Гильдия Св. Канута (находки указывают непосредственно на XIV век) и объединившаяся с ней в XVII столетии Гильдия Св. Олафа (так называемая Малая гильдия). Особая же гильдия купцов (так называемая Детская гильдия или Большая гильдия) впервые упоминается в Ревале в 1363 году.

Иногородние немецкие купцы в лифляндских городах объединялись в особые братства, которые по имени их святого покровителя святого Маврикия, так же как и конюшенные в замках, назывались «чернью». В городах, в частности в Риге и Ревале, где их объединения сохранялись до 1939 года, это название продолжало жить дальше. При этом руководство гильдий, так же как и ремесленников-одиночек, составляли выбранные старосты и старейшины, которые в XVI веке создали специальный закрытый орган – банк старейшин.

Облик средневековых городов в Прибалтике, как и Любека, сохранялся в единстве их композиции до Второй мировой войны, хотя и в Ревале, и Риге, и Дорпате, и особенно в маленьких городках он сильно пострадал во время войн и разрушительного воздействия времени. В частности, в Риге, кроме старого собора с его многократно возведенными новыми башнями, сохранилась единственная оборонительная башня (Песчаная или Пороховая башня), зал с одним нефом бывшей Большой гильдии XIII века и до Второй мировой войны здание «черни», которое, так же как и в Данциге, раньше иногда называли домом бюргерских собраний, посвященных памяти короля Артура.

О средневековом Дорпате напоминают практически только руины величественного собора и церковь Святого Иоанна. В Ревале же, кроме костелов, сохранились оказавшиеся необычайно прочными большие части городских оборонительных сооружений – крепостные стены, ворота и 17 башен, а также множество впечатляющих общественных построек. К ним относится единственная сохранившаяся в Прибалтике ратуша XIV века, дом «черни», а также старинные здания обеих гильдий – дом Большой гильдии со сводчатым холлом и сводчатый зал Гильдии Св. Олафа – памятники архитектуры, находящиеся в родстве с зодчеством рыцар-

¹⁰⁶ **Везенберг** (в русских летописях Раковор) – немецкое название города Раквере, расположенного на севере Эстонии.

¹⁰⁷ **Патрициат** – в данном случае высший слой населения средневековых городов Западной Европы, закрепивший за собой особые права и привилегии в городской общине.

ского ордена и являющиеся олицетворением того факта, что в этом колониальном крае даже простые граждане чувствовали себя аристократами.

В Ревале сохранились и бесценные произведения искусства – отдельные творения немецкого готического художника Германа Роде (1465–1504), германского художника и скульптора Бернта Нотке (1435–1509), в частности фрагмент оригинала работы Нотке «Пляска смерти», созданной им в Любеке в 1463 году. В общем, здесь до сих пор живет дух времен Ганзы.

К городскому населению и гражданам в узком смысле этого слова еще в Средние века принадлежали и многочисленные эсты, а также латыши и ливы (последние во все сокращавшемся количестве), в большинстве своем представлявшие собой рабочий люд. Это были, прежде всего, носильщики, находившие в своих гильдиях опору и защиту, рыбаки и лоцманы, извозчики, кнехты и слуги, но встречались также и ремесленники, что свидетельствует о том, что эсты и латыши принимали самое активное участие в средневековой корпоративной жизни.

Привести цифры о количественном составе различных слоев населения балтийских средневековых городов, к сожалению, не представляется возможным. Однако в том, что немцы, владевшие высокими каменными городскими зданиями, по крайней мере в Риге, составляли большинство, сомневаться не приходится. В частности, старший пастор Рижского собора Дитрих Нагель оценивал в 1450 году численность латышей и прочих людей не немецкой национальности как треть от проживавших в Риге горожан. В Ревале же проживало много шведов. В частности, в начале XVI века как минимум десятая часть владевших домами ремесленников были шведами, а по данным ратуши, тогда же шведы и датчане составляли третью часть из числа всех рабочих людей.

Судя по всему, в Ревале наблюдался довольно слабый приток немецких переселенцев, и поэтому в нем проживало значительно больше искусных ремесленников-эстонцев, чем таких же латышей в Риге. В XVI веке больше половины населения Ревалю предположительно составляли люди не немецкой национальности.

В Риге, Ревале, Дорпате, Нарве и отдельных небольших городах имелись также русские поселения, служившие опорными пунктами русской торговли, регулируемой городскими властями. Имелись также и православные церкви. Особенно много русских к концу Средневековья осело в Дорпате, где они проживали в отдельных кварталах и ходили в собственные церкви, пользовавшиеся поддержкой города.

Правовое положение эстов в Ревале и латышей в Риге было неодинаковым. В частности, судя по дошедшим до нас документальным свидетельствам, в Риге соблюдался строгий запрет приема работников не немецкой национальности во всех государственных учреждениях, а в Ревале – только в трех. В то же время в рижские конторы ювелиров, кузнецов и скорняков принимали и людей не немецкой национальности, и позднее, в XVII столетии, в строительных учреждениях работали уже преимущественно латыши. Однако в период между 1384 и 1469 годами в Риге наследственное право на владение городской землей они потеряли. В Ревале же такие ограничения для людей не немецкой национальности были введены только в XVI веке. В Риге людей, не относившихся к немцам, лишили права застройки с 1400 года, а в Ревале таких правовых ограничений, судя по всему, вообще не наблюдалось.

Во времена завоевания края право заниматься заморской торговлей распространялось и на не принадлежащих к немецкой нации. В частности, в Риге такие купцы были известны поименно еще в первой половине XIV столетия. Однако во второй половине XIV века люди, не относившиеся к немецкой национальности, возможности ведения внешней торговли лишились почти полностью – основанная в 1354 году в Риге Большая гильдия, или Гильдия Св. Марии, под надуманным предлогом необходимости соблюдения единых подходов к торговым делам полностью лишила таких людей права вступать в свои ряды.

Принимались также меры по борьбе со смешанными браками. В частности, в 1438 году в Ревале немецким купцам было разрешено жениться только на немках, а еще раньше, в 1392

году, такой же запрет ввели в Риге для пекарей. Отмечались также случаи «онемечивания». В этой связи можно даже утверждать, что городское население из числа лиц не немецкой национальности подвергалось такому процессу достаточно длительное время, который тем более не прекратился, когда, начиная с XV столетия, городские советы стали издавать указы, а в костелах начали читать проповеди исключительно на немецком языке. При этом корни данного явления крылись в наблюдавшихся повсюду тенденциях социального и культурного характера, ведь в городах разграничительных линий между представителями различных национальностей не было.

По мере превращения гильдий в профессиональные сообщества они все больше стремились заполучить возможность оказывать влияние на городские власти. Причем феодалы в своей борьбе за города, и особенно за Ригу, старались закрепить эту тенденцию. Так, при подписании Кирхгольмского договора в 1452 году наряду с членами городского совета присутствовали также представители обеих рижских гильдий. При этом борьба за власть в городах естественно сосредотачивалась и на получении возможностей оказывать влияние на управление финансами. В результате к концу владычества ордена в крае, точнее, в 1559 году гильдии в Риге добились полного равноправия с городским советом в вопросах взимания налогов, причем борьба на этом не завершилась. В Ревале ремесленники тоже завоевали себе право на участие в управлении городом.

Основу жизнедеятельности лифляндских городов составляло посредничество в торговле между Востоком и Западом. В частности, в Риге располагалась контора по торговле с Полоцком, на рынке которого город занимал главенствующие позиции. Дорпат доминировал в Пскове, а в немецком торговом дворе Ганзейского союза в Новгороде лифляндские города добились в XV веке внушительного влияния. В конечном счете Реваль и Дорпат вытеснили оттуда своих конкурентов, тем более что интересы Риги сосредотачивались тогда на территориях, располагавшихся выше по течению Западной Двины. Такому успеху способствовала и сложившаяся в те времена уникальная транспортная обстановка, ведь вся торговля, шедшая через Балтийское море в Россию, по суше осуществлялась по торговым путям, начинавшимся в балтийских портовых городах. В частности, из Реваля или Нарвы они шли в Новгород, из Дорпата – в Псков, а из Риги – напрямик в Псков, а также Полоцк. При этом безопасность на торговых дорогах в Лифляндии, так же как и в Пруссии, обеспечивал сильный вооруженный отряд ордена.

Почти все лифляндские большие и малые города, за исключением Нарвы, состояли в Ганзейском союзе, который и направлял их внешнюю политику, одновременно обучая думать широко с учетом различных причинно-следственных связей. Рига, Дорпат и Реваль принимали участие в организуемых Ганзой фестивалях, представляя на них и другие лифляндские города. Начиная же с середины XIV столетия в Лифляндии стали проводиться специальные дни городов, где индивидуальность торговли, свойственная тому или иному населенному пункту, объединялась с обычаями, принятыми в Ганзе. К сожалению, позже такая традиция сохранилась только в трех больших городах.

Наиболее крупным зарубежным мероприятием, в котором лифляндские торговые города приняли участие, явилась Кёльнская конфедерация¹⁰⁸ 1367 года, определившая их совместные действия. Города в Лифляндии присоединились к решению о введении «пошлины с фунта»¹⁰⁹ для изыскания средств для ведения войны с Данией и наряду с двумя малыми кораблями дополнительно выделили на нужды объединенного флота торговое парусное одномачтовое судно.

¹⁰⁸ **Кёльнская конфедерация** – союз торговых городов в войне против Дании, заключенный во время фестиваля в Кёльне 19 ноября 1367 г.

¹⁰⁹ **«Пошлина с фунта»** – дополнительная пошлина, которую стали взимать со всех судов, выходивших из ганзейских портов, из расчета 4 пфеннига с фунта веса товара.

Однако это не привело к дальнейшему развитию союза лифляндских городов, поскольку каждый из них в той или иной степени являлся участником распрей, раздиравших старую Лифляндию. При этом наименьшей самостоятельностью обладал Дорпат, который наряду с соборным капитулом и вассалами составлял третью часть земства епископства и, несмотря на ожесточенную борьбу с епископом, чья резиденция находилась на Домберге¹¹⁰, помогал ему в его противодействии ордену. А вот Реваль, добившийся полной автономии еще во времена владычества в этих землях Дании, был верен ордену, являвшемуся его сюзереном и чей комтур с рыцарями, а также не имевший власти епископ располагался на холме Тоомпеа. Что касается Риги, больше всех остальных городов втянутой в распри сюзеренов, то после установления двоевластия магистра ордена и архиепископа она оказалась сразу под двумя хозяевами, но держала сторону ордена, поскольку тот контролировал торговые улицы.

Несмотря на все моменты, раздиравшие старую Лифляндию, в ней было и много объединяющего, что позволяло на протяжении нескольких веков сохранять целостность ее территории. Политическим выражением этой разделяющей, но и одновременно цементирующей силы являлись всеобщие съезды сословных представителей, то есть встречи всех сюзеренов и представителей различных сословий. Их результаты стали отчетливо ощущаться с начала XIV века, а еще через столетие привели к образованию достаточно долговечного государственного образования. Так, на съезде сословных представителей в январе 1422 года в Валке¹¹¹ было принято решение собираться на такие собрания ежегодно. При этом предметом обсуждения являлись такие общие для всех проблемы, как денежный вопрос, взаимоотношения между сюзеренами и их отношения с сословиями, крестьянские дела, внешняя политика, правовые споры. При этом съезд являлся высшей апелляционной инстанцией для всего края, где в полной мере проявлялась значимость каждого сословия и, конечно, феодалов.

После окончательного провала политики ордена в отношении Литвы решающим шагом на пути образования сословного государства стал съезд сословных представителей в Валке в ноябре – декабре 1435 года, на котором сословия добились первого временного объединения края в единое целое. На нем было принято решение о том, что сюзерены отныне обязывались не вести внешние войны без предварительного согласования этого с сословиями и уважать права своих подданных, а при решении возникших спорных вопросов прибегать к созыву представителей незаинтересованных сословий как третейскому судье.

Следующими шагами к объединению стали съезды сословных представителей в 1457 и 1472 годах, а также в XVI столетии. При этом в 1472 году было даже признано право на сопротивление подданных в случае нарушения их законных прав со стороны сюзерена. Однако в дальнейшем стал вновь наблюдаться откат от выработанной общей линии.

Когда съезды сословных представителей созывались одновременно и магистром ордена и архиепископом, его участники разделялись на своеобразные курии, напоминая прежние сословные собрания. К первой относились архиепископ и сюзерены, присутствовавшие на съезде другие духовные лица, магистр ордена, а также его гебитигеры¹¹². Ко второй – представители рыцарства, а к третьей – посланцы городов. А вот крестьяне и их представители в подобных собраниях участия никогда не принимали.

При этом нахождение рядом друг с другом равноправных «делегатов» из числа сюзеренов и представителей сословий не могло нарушить существовавших тогда властных отношений, которые исключали какую-либо унификацию. В то же время любые договоренности, точнее, политические компромиссы являли собой заманчивую перспективу создания единого

¹¹⁰ **Домберге**, или Холм Тоомеяги – место расположения замка, являвшегося резиденцией тартуского епископа.

¹¹¹ **Валк** – старинное название города, который в 1920 г. был разделен на города Валга (ныне в Эстонии) и Валка (в Латвии).

¹¹² **Гебитигер** – руководитель округа Ливонского ордена, в ведении которого находились руководство войсками, судопроизводство и хозяйственные вопросы.

союза земель, можно сказать «старолифляндской конфедерации», чьим важнейшим органом был бы съезд сословных представителей. Однако вследствие глубоких внутренних противоречий такие собрания зачастую напоминали конгрессы по заключению мира между задиристыми сторонами.

Такие черты, присущие средневековой Германии, на пути к образованию сословного государства характеризовали и Лифляндию. Однако, несмотря на все имевшиеся распри, борьбу за власть между сюзеренами и сословиями, до анархии дело никогда не доходило. Рыцари-разбойники в Лифляндии, так же как и в Пруссии, не встречались. А то, что лифляндские сословия имели большую силу, чем прусские, объясняется местными особенностями.

Борьба с внешними врагами

Особенности лифляндской истории определяло положение, которое Лифляндия занимала в большой политике на северо-востоке Европы. Все осложнения, происходившие на Востоке и имевшие далекоидущие последствия, затрагивали ее непосредственно, и нередко ключи, открывавшие путь к власти, находились именно в крае, лежавшем между Балтийским морем и Псковско-Чудским озером.

Судьба Лифляндии была решена в результате превращения Литвы в великую державу. Если еще в середине XIII века могло показаться, что военные силы этого княжества со временем станут частью ордена, то все такие перспективы после битвы при Дурбе в 1260 году развеялись как дым, и борьба с Литвой стала напоминать вереницу сражений наступательного и оборонительного характера.

При этом бесконечные набеги литовцев становились все опаснее, поскольку внутренние противоречия, раздиравшие Лифляндию, нарастали, а противоборствующие стороны зачастую начинали искать себе союзников в лице внешних врагов. Так, например, Рига в своей борьбе с орденом находилась в союзных отношениях с язычниками не один десяток лет, точнее, до 1330 года. Прелаты тоже постоянно привлекали себе в союзники всех внешних врагов без исключения. Поэтому, когда Литва устремилась на восток, в Лифляндии вплоть до XV столетия удовлетворялись удержанием под контролем пустошей в приграничных с ней областях.

В XIV веке активную политику в отношении Литвы осуществляла только Пруссия. Не случайно в 1309 году резиденцией Великого магистра стал именно замок Мариенбург, а в 1328 году замок Мемельбург с прилегающими к нему районами был присоединен к прусской восточной провинции ордена.

При великом князе Гедимине (1316–1341) благодаря его мудрой восточной политике Литва заметно усилилась. Своим же сыновьям Гедимин поручил выполнение ряда задач, разделив ответственность между ними. Ольгерд продолжал начатую отцом русскую великодержавную политику, а Кейстут сражался с орденом.

Тогда орден под руководством Великого магистра Винриха фон Книпроде (1361–1382) находился на вершине своего могущества. Завоевав в 1362 году Кауэн и продвинувшись в 1378 году до Вильны¹¹³, рыцари сражались за Жемайтию. В 1398 году по условиям Салинского договора¹¹⁴ эта область отошла к ордену, а в 1399–1400 годах была им оккупирована. Однако орден не смог более собрать все свои силы и там утвердиться.

Этому помешало то, что сын Ольгерда Ягайло, женившись в 1386 году на польской королеве Ядвиге, по сути, передал Литву под влияние Польши, но одновременно стал основателем великого многонационального государства. В битве же при Танненберге объединенные силы поляков, литовцев, русских и татар сломили мощь ордена, и в 1411 году частично, а в 1422 году окончательно рыцари вынуждены были оставить Жемайтию.

Орден, конечно, пытался разорвать связь Литвы с Польшей, но все было напрасно. Именно с этой целью он оказывал поддержку великому князю Литовскому Витовту (1392–1430) в осуществлении его устремлений создать независимое великое литовское государство. Ведь политика Литвы в отношении России, которая, по мнению ордена, должна была отдалить литовцев от поляков, Пруссию не только не затрагивала, но и являлась для нее желательной. Однако поддержка орденом Витовта в осуществлении его планов относительно Пскова и

¹¹³ **Вильна** – до 1918 г. (в 1919–1939 гг. – Вильно) старое название города Вильнюс, сегодняшней столицы Литвы.

¹¹⁴ **Салинский договор** – мирный договор между Великим княжеством Литовским и Германским орденом о передаче последнему Жемайтии. Договор заключили 12 октября 1398 г. на острове Салине на реке Мемеле с литовской стороны великий князь Витовт, а с тевтонской – Великий магистр Конрад фон Юнгинген.

Новгорода заставляла оба этих русских княжества искать среди прочих возможных союзников помощи у Москвы и делала их врагами Лифляндии. И в этом вопросе интересы прусского и лифляндского отделений Германского ордена диаметрально расходились. Кроме того, возможность победы Литвы над Псковом и Новгородом таила в себе рост литовской угрозы непосредственно для самой Лифляндии.

Все это и определяло непоследовательность в позиции лифляндского магистра во времена Витовта и двойственность политики Лифляндии в целом – необходимость в защите своего края часто вступала в противоречие с общими интересами Германского ордена. Но такая двойственность могла возникнуть только в результате того, что у ордена уже больше не было сил формировать ситуацию на востоке Европы.

К тому времени, особенно после 1410 года, он находился в упадке и был вынужден в своей политике, в том числе и в отношении Лифляндии, лавировать, учитывая постоянно менявшееся соотношение сил. Однако в 1398 году, когда Витовт нуждался в поддержке ордена, могло показаться, что мысль о распространении господства ордена в восточном направлении, которая затухла вроде бы еще в XIII веке, вновь ожила – в Салинском договоре наряду с прочим в качестве утешения Витовту был обещан Псков. В то же время ничто так не характеризует полную перемену во властных отношениях между орденом и Литвой, как установившиеся в более поздние годы правления Витовта мирные взаимосвязи Лифляндии с Псковом, которые порой вместе противостояли коалиции Новгорода, Литвы и Москвы.

После смерти Витовта Ливонский орден предпринял еще одну попытку поддержать Литву против Польши, объединившись со Свидригайло¹¹⁵ против его брата Ягайло. Однако эта попытка полностью провалилась, принесла только потери и поражения, решающим из которых явился разгром войск ордена в битве под Вилькомиром на реке Святой 1 сентября 1435 года. Установленный же в Бресте 31 декабря 1435 года «вечный мир» границы между Литвой и Лифляндией не определил, а все дальнейшие попытки ордена урегулировать пограничный вопрос так ничем и не закончились.

Тогда для обеспечения границ орден начал возводить крепости (в частности, замок Бауска¹¹⁶) и расселять в приграничных районах своих вассалов. К тому же относительно благоприятный для ордена пограничный договор от 1473 года начертание границы между Лифляндией и Литвой тоже не установил, а сами литовцы его не придерживались. Окончательное же урегулирование пограничного вопроса завершилось лишь тогда, когда после краха старой Лифляндии польско-литовское государство забрало себе часть лифляндских земель в качестве имущества несостоятельного должника.

Продвижение Германского ордена на восток закончилось после битвы на Чудском озере в 1242 году. С тех пор он ограничивался лишь обеспечением своих восточных границ, естественное начертание которых определяли Нарва и Псковско-Чудское озеро. При этом граница с псковскими землями была во много раз протяженнее, чем граница с Новгородом (480 по сравнению с 20 километрами). Поэтому именно здесь происходило большинство конфликтов и битв.

Конфликт между Дорпатским епископством и Псковом своими корнями уходит в XIII столетие и был вызван в первую очередь оспариванием возможностей вести рыбный промысел на Чудском озере, что имело большое значение в решении продовольственного вопроса на севере Лифляндии. Когда в XIV веке Псков подпал под влияние Литвы, то спор вокруг этого рыбного промысла стал определять и литовскую политику в отношении Лифляндии –

¹¹⁵ **Свидригайло** (1370–1452) – князь Витебский (1393 г.), Подольский и Жидачевский (1400–1402 гг.), Новгород-Северский, Черниговский и Брянский (1404–1408, 1420–1430 гг.), великий князь Литовский (1430–1432 гг.), князь Волинский (1434–1452 гг.).

¹¹⁶ Замок **Бауска** был основан в 1456 г. ландмейстером Германского ордена в Ливонии Иоанном фон Менгеде. Ныне на этом месте латвийский город с одноименным названием.

грабительские набеги на Лифляндию великого князя Литовского Гедимина в 1322-1329 годах можно объяснить именно данным противоречием.

В XV же столетии Псков вообще стал постоянно нарушать мирные договоренности. При этом наиболее страдало Дорпатское епископство, которое под давлением Руси вынуждено было все более склоняться к осуществлению особой политики. В таких условиях подчинение Пскова верховной власти великого князя Московского весной 1460 года имело далекоидущие последствия, поскольку оно стало определять его дальнейшую политику. Для Лифляндии же это означало вступление в новую, несравненно более опасную фазу развития ситуации.

Господство татар на Руси с середины XIII века не смогло окончательно сломить силы, таившиеся на огромных русских просторах. Когда же во времена правления великого князя Московского Ивана III (1462–1505) игу был положен конец, а Москва стала превращаться в великую державу и начала целенаправленно продвигаться на запад, в лифляндской политике русская угроза выдвинулась на первый план.

Времена грандиозных проектов остались позади, и Лифляндия своим дальнейшим независимым существованием была уже обязана противоборству великих держав – Литвы и Москвы, а также продолжавшемуся противостоянию между Псковом и Новгородом.

Такое положение лучше всех осознавал магистр ордена Иоганн Вольтхуз фон Херсе (1470–1471), которого, несмотря на его короткий и не отличавшийся успехами срок правления, все же можно отнести к числу наиболее выдающихся деятелей в истории Германского ордена.

Родившись в графстве Марк¹¹⁷ и находившись, по достоверным сведениям, в Лифляндии с 1451 года, Вольтхуз хотел применить военную мощь ордена для поддержки Новгорода, которому сильно угрожала Москва. Его политика в отношении Руси исходила из осознания того, что Лифляндия не сможет противостоять объединенным силам Москвы, Пскова и Новгорода, из чего он делал вывод о целесообразности поддержать хотя бы Новгород в его противостоянии с Москвой.

Для этого магистру необходимо было объединить все силы края под своим началом. Он прекратил распри с архиепископом, надеясь на укрепление руководящих позиций ордена, и перенес резиденцию магистра вглубь края из Риги в Феллин, считавшийся самым крупным и грозным орденским замком. Вопреки всем обычаям Вольтхуз удалил из многих областей гебитигеров и ввел там прямое правление магистра, а на северном побережье в бухте Кундалахт начал возведение новой крепости, в результате чего ордену пришлось напрячь все свои силы. Гебитигеров такой самостоятельный правитель, конечно, не устраивал, а его военные планы они не понимали. В результате противники магистра объединились и составили против него заговор. Осенью 1471 года его схватили, бросили в темницу в городе Венден и отменили все нововведения.

Ненависть заговорщиков была настолько велика, что магистра сгноили в тюрьме, а его память очернили различными обвинениями и упреками. Возможно, он и был еретиком, но, без всякого сомнения, являлся передовым человеком, не любившим старые и закоснелые обеты. Этот неутомимый государственный деятель намного опередил свое время и, возможно, глядел далеко в будущее, чего его современники не осознавали.

В результате в период правления его преемника Бернхарда фон дер Борха (1471–1483) положение Лифляндии заметно ухудшилось – оставшись в одиночестве, Новгород в 1471 году¹¹⁸ был покорен и в 1478 году окончательно подчинен Москве. Псков же стал безогово-

¹¹⁷ Графство **Марк** – германское графство, входившее в состав Священной Римской империи и находившееся в Рурской области. Как графство оно существовало примерно с 1198 г., а резиденцией графов был город Хамм.

¹¹⁸ В 1471 г. великий князь Московский Иван III двинулся походом на Новгород, поводом для которого послужили слухи о том, что часть новгородского боярства во главе с вдовой посадника Марфой Борецкой (Марфой Посадницей) заключила договор с Литвой о вассальной зависимости. Кроме того, Новгород стремился к созданию независимой от Москвы церкви. Поэтому война с ним была провозглашена как поход за православную веру против отступников. На реке Шелони состоялась

рочно прислушиваться к указаниям из Москвы. А в 1481 году состоялось ужасное вторжение объединенных сил московских, псковских и новгородских русских в Лифляндию, где как раз вновь отмечалось противостояние между магистром и архиепископом, борьба за Ригу и вскорости с самой Ригой. Ведь победа ордена над архиепископом не означала обретения власти над городом. Для войны же на все стороны у ордена не хватало сил.

Предпринятый орденом шаг, который должен был укрепить его положение, оказался для магистра роковым. Дело заключалось в том, что в 1480 году Борх добился у императора Священной Римской империи Фридриха III предоставления ему суверенного права имперского князя, а также получения в ленное владение земель архиепископства и города Риги, поскольку архиепископ Сильвестр Штодевешер умер. В 1481 году за получение архиепископства он привел орден к присяге на верность императору, испортив тем самым отношения не только с папой, но и с Великим магистром. В результате гебитигеры ордена заставили магистра отречься от должности.

Его же преемник Иоганн Фридрих фон Лоринкгофен (1483–1494) дорого заплатил за политику своего предшественника, сдав горожанам рижский замок ордена, но затем благодаря участию в переговорах о заключении союза между Фридрихом III и Иваном III Московским ему удалось обеспечить Лифляндии мир с русскими на долгие годы. После этого у него открылась возможность поквитаться с Ригой, и в 1489 году он назначил фогта города Розиттен Вальтера фон Плеттенберга ландмаршалом, а начав осенью того же года войну с Ригой, весной 1491 года победил ее.

Таким образом, орден использовал сложившуюся обстановку в своих интересах, но тут давление со стороны Руси стало снова расти – в 1492 году русские возвели напротив Нарвы крепость Ивангород и впервые со времен Борха начали нарушать условия мирных договоренностей. Мир удавалось сохранить лишь благодаря унижительным для ордена усилиям.

При этом три мирных договора с русскими от 1474, 1481 и 1493 годов (последние два заключались на десять лет) состояли из нескольких частей, поскольку каждый документ предусматривал не только договоренности Лифляндии с Псковом и Новгородом, но и особый договор Дорпата с Псковом. Начиная же с 1481 года, а может быть, и с 1474 года, в тексте такого договора с Новгородом, невзирая на протесты лифляндской стороны, в водной его части стала включаться запись о том, что лифляндцы «бьют челом», прося о мире. Одновременно великий князь Московский стал развивать тактику умышленного понижения статуса более слабого партнера по переговорам, чтобы возвысить и укрепить собственную дипломатическую позицию.

Реальные потери орден понес, прежде всего, на спорных участках границы с Псковом. При этом северный отрезок лифляндско-русской границы (с Новгородом) четко определялся течением реки Нарва и Псковско-Чудским озером. На юге (от Псковско-Чудского озера до Западной Двины) большинство отрезков границы тоже были стабильны и сохранились со времен Средневековья, частично (восточная граница Латгалии) став основой границы 1920 года.

Что же касалось спорных участков границы между Лифляндией и Псковом, то ими выступали отрезки, где архиепископские земли, соприкасаясь с латышской языковой границей, доходили до реки Великая, являвшейся важной жизненной артерией Псковского княжества. Вот этот район в ходе длившейся десятилетиями малой войны за восточную границу, в которой принимали участие также латышские разведчики и дозорные, и пришлось отдать псковичам, где они, естественно, установили господство православной церкви. При этом старая пограничная линия была восстановлена лишь в 1920 году.

битва, в которой новгородские ополченцы потерпели поражение. В плен было захвачено много людей, в том числе и несколько бояр. Рядовых новгородцев отпустили, а вот бояре были казнены. В результате новгородцы отказали польско-литовскому королю Казимиру IV в союзе, оплатили Москве военные издержки и заключили с Иваном III Коростынский договор.

Вынужденная смиренность просматривается и в преамбуле торгового договора, заключенного Ганзой с русскими на двадцать лет в 1487 году. Причем ганзейские представители дошли даже до устного обещания сохранять нейтралитет в случае возникновения войны между Русью и магистром ордена. Тем не менее в 1494 году Москва настояла на закрытии представительства Ганзы в Новгороде¹¹⁹. Следствием же этого мероприятия, направленного прежде всего против Реваля, явилось то, что ганзейские города стали вновь искать защиты у ордена.

Когда летом 1494 года бывшего в то время ландмаршалом Вальтера фон Плеттенберга единогласно избрали магистром ордена, в Москве уже намеревались захватить Лифляндию. Однако благодаря железной воле Плеттенберга в управлении лифляндскими делами был наведен порядок. Родившись в 1450 году в Вестфалии, этот вестфалец до мозга костей в свои молодые годы навсегда осел в Лифляндии, начав, несмотря на свою природную скромность, терпеливо подниматься по карьерной лестнице. За свою долгую жизнь он достиг таких высот, каких не удавалось добиться ни одному его предшественнику.

Первым предметом его заботы послужила необходимость обеспечения ордена вооружением и привлечения помощи из-за рубежа. Поэтому, отбросив оправданное недоверие, 21 июня 1450 года он пошел навстречу предложению великого князя Литовского Александра и заключил с ним военный союз против Москвы сроком на десять лет.

Это было сделано вовремя. Правда, 28 января 1501 года он послал в Любек письмо с просьбой о помощи, но для него было ясно, что на многое в ответ на данное послание ему рассчитывать не стоило. Понимал Плеттенберг и то, что, несмотря на непосредственную военную угрозу для некоторых лифляндских городов, сподвигнуть их на деятельное сотрудничество с орденом будет довольно трудно.

Между тем летом 1501 года в позициях Литвы произошел серьезный поворот, причиной которому послужила смерть польского короля Иоанна Альбрехта, брата великого князя Литовского Александра. Кончина Иоанна открыла перед Александром возможность заполучить польскую корону, и политика Польши в отношении Запада отодвинула литовскую восточную политику на второй план. Поэтому когда началась война Ливонии с Россией, великий князь Литовский бросил магистра ордена в беде.

Дело заключалось в том, что Плеттенберг начал войну против Псковского княжества в августе 1501 года, не дожидаясь окончания десятилетнего срока действия мирного договора, рассматривая ее как превентивную меру. Однако без военной помощи со стороны Литвы решающего успеха он не добился, и в результате набега русских вновь начали разорять Лифляндию.

В августе 1502 года, получив из Пруссии вспомогательный отряд из 200 кнехтов и новые заверения о поддержке от Александра, уже польского короля, Плеттенберг вновь выступил с войском в военный поход. Однако взять Псков ему не удалось, а поддержка от литовцев снова не пришла. В таких условиях 13 сентября 1502 года южнее Пскова возле озера Смолина произошло решающее сражение. 18 000 русским и татарским воинам, а также немецким наемникам противостояло все лифляндское войско в составе 2500 всадников, 2500 ландскнехтов, которым помогали литовские и эстляндские вспомогательные отряды. Если лифляндцы оказались бы разбитыми, то, по всем расчетам, Лифляндия была бы потеряна. Поэтому историческое значение этой битвы состоит в победе Плеттенберга¹²⁰.

¹¹⁹ В некоторых источниках утверждается, что в основе такого поступка Ивана III, проводившего политику покровительства развитию заграничной торговли русского купечества, лежало недовольство положением русских в Лифляндии. Непосредственным же толчком к суровым репрессиям ганзейского купечества в Новгороде послужила казнь русских в Ревале осенью 1494 г.

¹²⁰ На самом деле русские окружили ливонцев, но Плеттенбергу удалось прорвать кольцо, предположительно в том месте, где псковское ополчение нарушило порядок в полках, начав грабить захваченный ливонский обоз. После этого русские напали на ливонскую пехоту, которая понесла крупные потери, но отразила натиск. В результате ливонцам удалось сохранить за собой поле боя, однако предпринять какие-то иные действия, кроме как возвратиться в пределы Лифляндии, потрепанное войско Плеттенберга более не могло. И хотя в память о сражении под Смолином магистр Вальтер фон Плеттенберг приказал ежегодно

Ход сражения несколько недель спустя описал один из комтуров Германского ордена, принимавший непосредственное участие в битве. В частности, он отмечал, что атаку начал магистр, который вел центр. При этом войска противника, в особенности татары и немецкие наемники, оказали ожесточенное сопротивление, а затем опрокинули ведомый архиепископом фланг, в котором находилось доверенное ему главное знамя, в результате чего возникла серьезная угроза для всего германского войска. Но потом другой фланг под командованием ландмаршала нанес ответный удар и обратил неприятеля в бегство. Согласно же русским донесениям, псковичам и московитам удалось захватить немецкий обоз и перебить его охрану, но затем между ними завязалась ссора из-за дележа добычи. Между тем хорошо информированное нижненемецкое издание, появившееся несколько лет спустя под названием «Славная история», однозначно указывает на то, что перелом в битве совершила все еще являвшая собой пример настоящей рыцарской атаки немецкая конница, которая трижды врбалась в ряды неприятеля и обратила его в бегство. Русские понесли огромные потери, но от преследования разбитого противника Плеттенберг был вынужден отказаться, поскольку его рейтары за время боя настолько устали, что буквально вываливались из седла. Их покрывал настолько толстый слой грязи, что узнать отдельных всадников оказывалось невозможно.

Современники восприняли эту победу как чудо, и лифляндский ландтаг два года спустя принял решение ежегодно торжественно отмечать этот день наряду с другими важнейшими религиозными праздниками, а архиепископ установил соответствующий порядок его проведения во всех провинциях архиепископства. Рассказы о битве и победе стали передаваться из уст в уста как легенда, в ходе чего отдельные детали стали заметно преувеличиваться. Тем не менее общее значение произошедших событий в целом отражалось верно, хотя истинные последствия данного сражения оставались в тени.

Последовавшее в 1503 году подписание договора о примирении, текст которого, как всегда, состоял из трех частей, предусматривал перемирие на шесть лет. Однако он не отвечал военным целям Лифляндии – пограничные вопросы оставались открытыми, форма изложения документа – унижительной, а сам текст таил в себе опасность. Торговля в первое время оставалась перекрытой, а по имеющимся сведениям, русские предположительно продолжали настаивать на выдвинутых за несколько десятков лет до этого требованиях о выплате Дорпатом процентов по его задолженности, возникшей первоначально якобы за счет удержания подоходного налога с русских жителей города и невыплаты средств, предназначавшихся на содержание православных церквей. Русские намеревались также наложить запрет на взаимную помощь ордена и Дорпата в случае своего нападения, но благодаря усилиям литовских миротворцев, которые обычно преследовали свои цели, этого удалось не допустить.

Лифляндия должна была удовлетвориться тем, что основные условия договора остались такими же, как и в прежних документах, ведь существенной военной помощи от Пруссии ожидать не приходилось. К тому же пропуск русских товаров в Северную, Западную и Центральную Германию приносил ордену неплохие деньги. В свою очередь, хороший доход давали поставки в Россию германских военных материалов (пушек), а немецкие ландскнехты продолжали служить в Московии.

Когда в 1509 году срок действия договора о примирении истек, Лифляндия выторговала его продление еще на 14 лет, отказавшись от союза с Литвой, который и без того утратил свое значение из-за проводимой со стороны Польши враждебной политики в отношении ордена. Кроме того, Ливония впервые согласилась на одобрение мира Москвой в такой же форме милостивого «помилования», какая ранее применялась к купцам. Поэтому неудиви-

отмечать 13 сентября как победу, на самом деле успех сражения у озера Смолина с ливонской стороны заключался лишь в том, что Плеттенбергу удалось избежать разгрома и, сохранив существенную часть войска, вернуться домой.

тельно, что после ликвидации великим князем Московским последних остатков самостоятельности Пскова Лифляндия даже не пошевелилась.

Возобновление Русско-литовской войны 1512–1514 годов¹²¹, сложности, возникшие у Москвы с казанскими татарами, воцарение в 1533 году несовершеннолетнего Ивана IV¹²² помогли Плеттенбергу и его ближайшим преемникам осуществлять политику нейтралитета, балансируя между Россией и польско-литовским государством, что давало единственную возможность для спасения. Не переставая публично высказывать претензии к Лифляндии, русские, в конце концов, еще при жизни Великого магистра в 1531 году согласились продлить договор о примирении еще на 20 лет. Не исключено, что такому способствовала победа Плеттенберга на озере Смолина, которая ясно показала русским, на какое отчаянное сопротивление они могут натолкнуться в Лифляндии.

¹²¹ Русско-литовская война длилась с 1512 по 1522 г. и вошла в историю как Десятилетняя война – война между Русским государством и объединенными силами Великого княжества Литовского и Польского королевства, завершившаяся присоединением к Русскому государству смоленских земель.

¹²² **Иван IV**, прозванный Грозным (1530–1584), – великий князь Московский и всея Руси с 1533 г., первый царь всея Руси. Взошел на трон в 1533 г. после смерти отца Василия III. Ивану Васильевичу на тот момент было три года, и до совершеннолетия он не мог править самостоятельно. Поэтому первые годы его правления характеризуются властью матери (Елены Глинской) и бояр.

Эпоха Реформации

Первая половина XVI столетия, когда Лифляндия была избавлена от внешних войн, являлась периодом ее экономического расцвета. Этому способствовало то обстоятельство, что после ликвидации представительства Ганзы в Новгороде вся торговля с русскими перешла в руки лифляндцев. Еще с середины XV века лифляндские города стали придерживаться в отношении Ганзы основополагающего положения, которое гласило: «Гость не должен торговать с гостем». В результате строгого соблюдения этого правила они вытеснили «заморских» немецких купцов со своих рынков, что привело к заметному охлаждению отношений с Любеком¹²³. Ведь перед лицом неслыханных барышей, которые сулила такая монополизация, было совсем упущено из виду то, что ослабление общих экономических интересов неизбежно влекло за собой и разрыв политических связей.

При этом такому непониманию последствий действий лифляндских городов способствовало то обстоятельство, что именно в то время духовные и личные контакты немцев колонии с жителями метрополии являлись наиболее тесными. К тому же тогда в Лифляндии появились по-настоящему богатые люди, начал наблюдаться общий рост благосостояния и стали появляться предпосылки к расцвету собственных творческих, созидательных сил.

О расцвете ремесленного производства свидетельствует хотя бы то, что один из самых знаменитых портретистов того времени, ученик фламандского живописца Мемлинга и придворный художник королевы Изабеллы Кастильской Михель Зиттов, последние годы своей жизни являлся сначала заседателем, а потом и цеховым старостой ревальской гильдии ремесленников. Одним из его предшественников на посту в этой гильдии был тоже знаменитый ювелир Ганс Рыссенберх Старший, руке которого принадлежит великолепно сохранившийся шедевр позднеготической традиции в искусстве северо-востока – позолоченная серебряная дароносица.

На Лифляндию, где у населения глубоко укоренилось поклонение Святой Деве Марии, приходятся последние десятилетия расцвета религиозной жизни, о чем свидетельствует основание новых монастырей, возрастание почитания святых и рост числа духовных месс. При этом прелаты стремились к проведению радикальных реформ, но Новое время, которому Лютер¹²⁴ рывком открыл дверь, неумолимо приближалось. Оно обрушилось с полной силой, заполнив собой все человечество, и, произведя глубокие потрясения, безоговорочно изменило религиозные убеждения. Это был прорыв в мировоззрении, где смешались высокие и эгоистические чувства, ясность и одновременно непонимание происходящего, что, в общем-то, в целом характерно для истории.

Реформаторское учение проявило себя сначала в Риге – самом большом городе, располагавшемся наиболее близко к стране, где оно зародилось. Его появление походило на вспышку молнии. Когда соратник Бугенхагена¹²⁵ Андреас Кнопкен¹²⁶ затеял в церкви Святого Петра ученый диспут между сторонниками католической веры и приверженцами лютеранских догм, то победа Реформации в Риге была предрешена. Само же движение находилось в тесной связке с противостоянием между прелатами и подчиненными им рыцарями, главной причиной кото-

¹²³ Вольный имперский город **Любек** был столицей Ганзы.

¹²⁴ **Лютер** Мартин (1483–1546) – христианский богослов, инициатор Реформации, ведущий переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма – лютеранство. Считается одним из создателей немецкого литературного языка.

¹²⁵ **Бугенхаген** Иоганнес (1485–1558) – реформатор, профессор университета города Виттенберг, идеолог Реформации, организатор школьной реформы. Духовник и соратник Мартина Лютера.

¹²⁶ **Кнопкен** Андреас (1468–1539) – немецко-христианский проповедник, преподаватель, автор богословских сочинений и евангелических песнопений; один из зачинателей движения Реформации в Риге и Ливонии.

рого служили в основном разногласия по вопросу об обязанности вассалов предложить свое ленное владение сюзерену перед его продажей. Епископы хотели укрепить свое преимущественное право, а их вассалы его ликвидировать. Рыцари и города высказывались за отмену права феодала в светских делах еще в 1516 году и поэтому на заседании ландтага в июне 1522 года при обсуждении вопроса о Лютере имели в виду именно это право феодала, а не свою позицию по отношению к данному учению как таковому. На собрании представителей сословий в Ревале в 1524 году речь тоже шла о сословных интересах религиозного союза рыцарей и городов, что и предопределило победу Реформации в Лифляндии. Однако эти же сословные интересы вскоре разрушили названный выше союз, и рыцари вновь стали сближаться со своими духовными сюзеренами.

Единственным опасным противником Реформации в Лифляндии являлся родившийся в Берлине рижский архиепископ и епископ Дорпатский Иоганн Бланкенфельд, который ранее был дипломатом ордена в Риме, а с 1514 года нашел в Лифляндии точку приложения своих честолюбивых амбиций и политических способностей. Несмотря на все имевшиеся у него козыри, он установил с русскими преступные контакты, дав тем самым магистру ордена возможность принять соответствующие меры – в 1525 году по распоряжению Плеттенберга Бланкенфельд был арестован собственными рыцарями.

Тем временем произошло важное событие, повлиявшее на общую политическую расстановку сил и изменившее религиозную обстановку в целом, – 10 апреля 1525 года Великий магистр секуляризировал¹²⁷ орденское государство в Пруссии. В то же время город Рига, который с середины 1524 года добивался выхода из-под власти архиепископа и в своем стремлении к установлению свободы вероисповедания желал утверждения односторонней власти ордена, преодолел сомнения Плеттенберга относительно возможности оказаться под юрисдикцией Пруссии: 21 сентября 1525 года Плеттенберг документально подтвердил принадлежность города к лютеранству и как единоличный господин принял от него присягу на верность. В результате Кирхгольмский договор утратил свою силу.

Когда же бывший Великий магистр герцог Альбрехт Прусский ясно дал понять Плеттенбергу, что хочет последовать его примеру, то это его решение быстро распространилось по всей Лифляндии, и в марте 1526 года Рига и Реваль на Вольмарском ландтаге¹²⁸ предложили Плеттенбергу стать их единственным сюзереном. Казалось, что теперь, как уже однажды случалось в истории, все будет зависеть от самого магистра, и в таких условиях, естественно, возникал вопрос: готов ли он стать полноправным хозяином и сможет ли путем введения нового мировоззрения вывести Лифляндию в число передовых современных государств?

Он этого не сделал и в последующие месяцы повел себя весьма пассивно. Более того, Плеттенберг позволил архиепископу выступить в июле 1526 года на очередном Вольмарском ландтаге и, последовательно опровергнув все обвинения ордена¹²⁹, добиться своего оправдания и возвращения полной свободы действий. После этого Бланкенфельд с никому не известными планами отправился к папе и императору, а на следующий год умер в Испании. Наступление Реформации в Лифляндии ему предотвратить не удалось, но напугать возможными серьезными политическими последствиями этого он все же смог.

Да иначе и быть не могло, ведь старому магистру ордена, от кого зависело окончательное решение, давно уже перевалило за семьдесят и новое учение, как и новое жизнеощущение, были ему чужды. Исходя из внешних обстоятельств и по своим внутренним убеждениям он

¹²⁷ **Секуляризация** – процесс освобождения всех сфер общественной и личной жизни из-под контроля религии.

¹²⁸ **Вольмар** – ныне город Валмиера в Латвии.

¹²⁹ Бланкенфельда обвиняли в том, что он якобы обещал Василию III все свои замки и пахотные земли взамен на военную поддержку против ордена и лютеран.

не собирався основывать династию. Этот человек сросся с орденом и являлся приверженцем старой церкви. К тому же возникли трудности внешнего характера.

Дело заключалось в том, что его воцарения желали, по сути, только Рига и Реваль, а вот Дорпат, например, был против. Решительно воспротивились этому, что явилось определяющим, и рыцари епископов. Если бы он решился на такой шаг, то все сторонники и выгодоприобретатели старого порядка, а таких было немало, не остались бы в одиночестве – неизбежно вмешались бы соседи, и началась бы гражданская война с непредсказуемыми последствиями. Поэтому Плеттенберг видел свою задачу только в сглаживании внутренних противоречий и поддержании внешнего мира.

В результате принцип политического преобразования, заложенный в Реформации, Лифляндию не затронул. Вначале новое движение вызвало только очередные противоречия, а вследствие сброса с пьедестала старых авторитетов привело к ослаблению единства края. Но были и другие, очень важные результаты. На первый взгляд Реформация не привела в нем к сословной правовой реформе. Однако заложенная в корпоративном праве политическая самостоятельность на лютеранской почве могла хорошо развиваться, а на далекую перспективу в ней коренилось и осознание общности народов. Кроме того, новое религиозное миропонимание способствовало возникновению таких тесных и богатых взаимосвязей со страной Лютера, каких ранее никогда не было, ведь духовное оживление, вызванное Реформацией, привело к появлению свежих жизненных нитей, которые начали связывать колонию с метрополией еще крепче.

Повсеместно стала происходить духовная привязка охваченных Реформацией стран к Германии с одновременным пробуждением, оживлением и, возможно, даже спасением языков и культуры отдельных народов. В частности, в Ревале и Риге возникли негерманские церковные общины, в которых проповеди начали читаться на родном языке прихожан. Можно также утверждать, что Реформация заложила основы эстонского и латышского письменных языков. Ярким примером этого может служить созданный по заданию Ревальского городского совета и напечатанный в 1535 году у немецкого издателя Ганса Люффта в Виттенберге на нижненемецком и эстонском языках катехизис, ставший самым ранним эстонским печатным произведением.

Сущность и ход лифляндской Реформации надолго определили развитие немцев в старой Лифляндии. Здесь, как и у трансильванских саксов¹³⁰, важнейшим социальным новотворчеством Реформации явилось появление германского протестантского приходского дома как мощного источника духовной силы. Протестантизм повсюду способствовал укреплению межнациональных связей, однако время развертывания реформаторского движения было различным – в отличие от Трансильвании, где оно началось в 1540-х годах, на Лифляндию пришлось самые ранние его годы. И если здесь вначале не было такого выдающегося человека, как реформатор саксов Йоханнес Хонтерус, то его заменило непосредственное влияние самого Лютера, послания которого к лифляндцам содержали не только духовные наставления, но и советы применительно к соответствующему моменту.

Влияние Лютера распространилось и на Реваль, передававший всему округу его советы, которые учитывались в духовной жизни жителей. Правда, Хонтерус был больше гуманистом, чем реформатором, но и в Лифляндии тоже вскоре ввели гуманистическую систему образования, что привело, хотя и значительно позже, точнее, только в начале следующего столетия к заметному распространению в крае идей гуманизма. Однако главное различие между Лифляндией и Трансильванией заключалось в том, что в разделенном на сословия крае, рано ставшем

¹³⁰ **Трансильванские саксы** – этнические немцы, составлявшие основное население исторической области Бурценланд в Трансильвании (современной Румынии). За всеми немецкими колонистами в Румынии закрепилось название «саксы», хотя большинство из них выехало не из Саксонии, а из долины Мозеля. Немецкая колонизация Трансильвании развернулась в середине XII в. с соизволения венгерского короля Гезы II.

лютеранским, церковь тоже начала строиться по сословному признаку, тогда как в саксонской Трансильвании она приобрела общенациональный характер.

Среднегерманское влияние на Лифляндию осуществлялось через город Виттенберг, но ее общественную жизнь определяла и принадлежность к миру Нижней Германии, что хорошо просматривается в рижском сборнике псалмов от 1530 года, изданном на нижненемецком языке, который мог бы послужить настоящим образцом подобных книг для всей Северной Германии. Этот сборник псалмов, составленный Андреасом Кнопкеном, появился как приложение к порядку церковного служения, разработанному под руководством приглашенного в Ригу из Кёнигсберга реформатора Иоганна Брисманна. В нем, наряду с другими, содержатся 22 песни Лютера, среди которых самое раннее издание псалма «Господь твердыня наша» на нижненемецком языке. Для реформаторского движения Лифляндии в целом характерна рассудительность и скромность, но из его рядов вышел и известный поэт – рожденный в Гессене и будущий францисканец¹³¹ Буркард Вальдис, ставший протестантом в рижской тюрьме и создавший в Лифляндии свои знаменитые стихи, посвященные Реформации. Среди них следует особо отметить прочитанную им на Ратушной площади в Риге в 1527 году «Притчу о блудном сыне». В то же время было и немало элементарных перегибов, которые Лютер характеризовал как неизбежные сопутствующие явления просыпающегося религиозного сознания. Порой появлялись и священники с тараканами в голове, такие как Мельхиор Хоффман, которые непродолжительное время пользовались определенным влиянием и имели даже своих приверженцев, но заметных следов они не оставили.

Десять же случаев иконоборчества, отмечавшихся в 1524–1526 годах, являлись лишь свидетельством огромного религиозного возбуждения. Однако до кровопролития нигде дело не дошло, хотя многие старые церковные отношения были уничтожены. Что же касается утраты культурных ценностей, то они связаны в основном с разрушениями, произошедшими во время Второй мировой войны, хотя и в этом вопросе Новое время принесло с собой определенные потрясения, до которых многие просто не доросли.

¹³¹ **Францисканец** – монах католического нищенствующего монашеского ордена, основанного святым Франциском Ассизским близ Сполето. Датой основания ордена принято считать момент устного утверждения устава папой Иннокентием III в 1209 г.

Закат старой Лифляндии. Прощание с империей

С 1530 года в Лифляндии заметной фигурой стал младший брат герцога Альбрехта Прусского маркграф Вильгельм фон Бранденбург. Сначала он был коадьютором¹³², а с 1539 года и рижским архиепископом. Причем для его назначения объединились силы, преследовавшие различные интересы. Герцог Альбрехт, чувствовавший для себя угрозу в случае сохранения в ближайшем соседнем крае старых порядков, желал, чтобы Лифляндия тоже была секуляризирована и оказалась под его юрисдикцией. Для этого он настраивал соответствующим образом своих доверенных лиц среди епископских и курляндских рыцарей и поставил перед реформатором Брисманном конкретные политические задачи. Протестантская же Рига и протестантская часть рыцарей хотели, чтобы ими правил такой сюзерен, который смог бы защитить новое учение, опасаясь, что Вильгельм со своими сторонниками последует примеру Пруссии и отделит Лифляндию от империи.

Вильгельм, родившийся в 1498 году в баварском городе Ансбах, в скором времени проявил себя как человек, которого способности его знаменитого брата обошли стороной. Он оказался не способным проводить даже последовательную политику, не говоря уже о творческом подходе в ее осуществлении. Тем не менее братья постарались подобрать для него подходящее местечко, соответствующее его княжескому происхождению, а длительные финансовые трудности заставили Вильгельма искать себе в Лифляндии источники дополнительного дохода. Поэтому все его начинания оказывались направленными на то, чтобы создать для себя условия извлечения максимальной выгоды, но, лишенный способности быть бережливым, он постоянно попадал в неловкие ситуации и финансовую зависимость.

Надежда извлечь из протестантской Лифляндии выгоду, напор со стороны советников из числа его рыцарей, спесь, которую вызвали открывавшиеся перед ним политические возможности, привели к тому, что ему начало казаться, будто бы он с легкостью сможет решить поставленную перед ним задачу – объединить край с целью его дальнейшей монархической секуляризации. Однако он потерпел неудачу еще в 1536 году, когда боролся за Эзель-Викское епископство, причем не только в политическом, но и в личностном аспекте.

Авторитетом в Лифляндии пользовался только престарелый магистр ордена Плеттенберг. После ухода Великого магистра из-под власти императора лифляндский магистр, согласно уставу ордена, оказался в положении, когда Великий магистр встал между ним и кайзером. Поэтому в 1526 году Плеттенберг добился повышения своего статуса в имперской табели о княжеских рангах, а на Аугсбургском рейхстаге¹³³ 1530 года получил от императора в ленное владение лифляндские земли ордена.

Тем не менее он не смог ни помешать назначению маркграфа Вильгельма, ни установить единоличную власть над Ригой, в результате чего в 1530 году Кирхгольмский договор вновь вступил в силу. Его бережливая и посредническая политика, направленная на достижение равновесия, основывалась на этике верности, в том числе и верности империи, но при этом она черпала силы из идеалов прошлого. В 1535 году магистр умер, так и не добившись формирования в Лифляндии новых политических сил. Победной поступи Реформации Плеттенберг не препятствовал, но до самой своей кончины он так и не указал новый политический путь, который смог бы вывести край из хаоса раздиравших его противоречий. Однако не исключено, что такого пути для Лифляндии и вовсе не было.

¹³² **Кoadьютор** – католический титулярный епископ.

¹³³ **Аугсбургский рейхстаг** – всесословное собрание Священной Римской империи, созванное императором Карлом V в июне 1530 г. в целях примирения католиков и протестантов перед лицом турецкой угрозы.

Даже спустя двадцать лет, когда представитель магистра Ливонского ордена, являвшегося князем империи, поставил свою подпись под Аугсбургским религиозным миром¹³⁴, политические отношения в Лифляндии, по сути, оставались прежними. Реформация полностью утвердилась, и лифляндские сюзерены стали приглашать пасторов новой веры, результатом чего вначале, естественно, явилось засилье среди протестантских священников иностранцев. В ордене же к вопросам вероисповедания относились с полным равнодушием, хотя отдельные рыцари и испытывали к протестантскому учению симпатию. Поэтому никаких политических выводов из этого не делалось.

В 1551 году магистр ордена вместе с девятью гебитигерами принял участие в протестантском молебне в Рижском соборе. В этой связи стоит отметить, что все последние магистры были настроены протестантски. Однако старая вера не желала сдаваться, представляя собой прогнивший фундамент религиозного государства. В результате все подобные действия магистров являлись не чем иным, как обыкновенной публичной ложью, угрожавшей обрушить все здание. В таких условиях возникал вопрос: найдет ли кто-нибудь в себе силы покончить с прошлым и, основываясь на новых догмах, построить обновленный мир?

Реформация сильно укрепила принцип передачи королевской власти по наследству и роль династий. Поэтому сложившаяся в Лифляндии обстановка побудила немало отпрысков королевских родов начать в ней борьбу за власть и новые доходы, а также к проведению разного рода политических экспериментов. Конечно, здесь были сокрыты большие политические возможности, но использовать их мог только тот, кто опирался на достаточно мощную силу. У Пруссии, как показали 1530-е годы, такой силы не было. При этом для превращения Лифляндии в светское германское государство требовались новые силовые средства, для возникновения которых там в XVI веке никаких предпосылок не было. Поэтому попытка использовать архиепископство для секуляризации Лифляндии немедленно привела к возникновению внешнеполитического кризиса.

Вопреки решениям Вольмарского ландтага от 1546 года, согласно которым назначение коадьютора из княжеского рода могло осуществляться только с согласия всего края, в 1555 году маркграф Вильгельм посадил на должность архиепископского коадьютора молодого герцога Кристофа Мекленбургского, что означало по существовавшему тогда праву назначение будущего преемника архиепископа. За Кристофом стоял его брат, честолюбивый герцог Иоганн Альбрехт Мекленбургский. Тогда орден по призыву коадьютора Вильгельма Фюрстенбергского, будущего магистра, организовал союз сословий против обоих церковных правителей. В свою очередь архиепископ со своим коадьютором, будучи близкими родственниками Сигизмунда II¹³⁵, нашли опору в Польше, что предопределило ее вмешательство во внутренние дела Лифляндии.

Тем временем орден оккупировал архиепископство, а сам архиепископ Вильгельм был взят в плен. Однако перед лицом превосходящей мощи Польши фон Фюрстенберг не осмелился на открытое вооруженное противостояние, и в сентябре 1557 года в Позволе было решено не только возвратить архиепископу его пост, но и заключить союз между орденом и Польшей (по тексту договора с Литвой) против России, который, впрочем, должен был вступить в силу после прекращения перемирия между русскими и польско-литовским государством в 1562 году. Однако на деле это означало начало противостояния между Польшей и

¹³⁴ **Аугсбургский религиозный мир** – соглашение, заключенное 25 сентября 1555 г. на Аугсбургском рейхстаге между лютеранскими и католическими субъектами Священной Римской империи и римским королем Фердинандом I, действовавшим от имени императора Карла V. Аугсбургский мир признал лютеранство официальной религией и установил право имперских сословий на выбор вероисповедания.

¹³⁵ **Сигизмунд II Август** (1520–1572) – великий князь Литовский с 18 октября 1529 г., король Польский с 20 февраля 1530 г. До 1548 г. правил совместно со своим отцом Сигизмундом I. В его правление в 1569 г. была принята Люблинская уния, объединившая Великое княжество Литовское и Королевство Польское в федеративное государство Речь Посполитую, правителем которой с титулом короля Польского и великого князя Литовского и стал Сигизмунд Август.

Москвой за Лифляндию, продлившегося более двадцати лет, поскольку тогда Иван IV Грозный в отношении Лифляндии решил вернуться к замыслам своего деда Ивана III.

Обновления договора между Лифляндией и Россией о примирении удалось добиться только в 1554 году (на пятнадцать лет). Причем это произошло при таких обстоятельствах, по сравнению с которыми все предыдущее казалось малозначимым. Дело заключалось в том, что русские неожиданно в качестве главного условия выдвинули требование об уплате Дорпатским епископством дани. На это условие, содержавшееся и в предыдущих договорах, лифляндцы никогда не обращали внимания и его не соблюдали. Теперь же русские потребовали в три года выплатить задолженность, образовавшуюся за пятьдесят лет.

Вторым условием оказалось требование, которое могло поставить под вопрос само существование Лифляндии. Проблема заключалась в том, что, находясь на службе у московского царя, немецкий предприниматель из города Гослар Ганс Шлитте завербовал для работ в России большое число разных умельцев, среди них немало оружейников, которые своим искусством должны были улучшить качество вооружения Москвы. Однако магистр Ливонского ордена перекрыл им дорогу в Московию в Любеке, а одного ружейного мастера, пытавшегося нелегально пробраться в Москву, приказал доставить в Лифляндию. Тому удалось сбежать, но его вновь схватили и отрубили ему голову. Поэтому в качестве условий продления перемирия русские потребовали от Лифляндии обеспечения беспрепятственного проезда в Москву нанятых в Германии специалистов.

Был и еще один момент, о котором стоит упомянуть. Русские на переговорах ясно дали понять, что союз с польско-литовским государством означал бы для Лифляндии начало войны с Россией. В этой связи нельзя не напомнить, что заключенный затем в 1557 году Позвольский договор предусматривал именно такой союз. К тому же два посланника из Дорпата напрасно вели в Москве переговоры по вопросу уплаты долгов. В результате в январе 1558 года русские с татарским вспомогательным войском вторглись в Лифляндию.

Что тогда началось, надолго стало типичной картиной для края, и, похоже, это означало наступление решающего момента во всей прибалтийской истории, о котором долго предпочитали не говорить. События того времени наполовину забылись, и поэтому о них следует обязательно напомнить. Напомнить, как те зимние дни наполнились воздухом, насыщенным страхом и отчаянием, дымом и отблесками от пожарищ. Напомнить об убитых, лежавших на дорогах, и обо всем том, что неизбежно принесла с собой на эту землю война.

По общему мнению, Лифляндия оказалась тогда бессильной и плохо вооруженной. В ней царило малодушие и отсутствовало хорошее руководство, а армейские наставления устарели. Во всем Германском ордене едва насчитывалось 150–200 братьев-рыцарей, и он более не представлял собой войсковое товарищество. К тому же большинство его рыцарей заплывало жиром на различных административных должностях, а старый ландмаршал, которого вскоре сняли с его поста, оказался негодным к «военному использованию».

Престарелым являлось все военное руководство. Служки ордена, обученные конному и пешему бою, были распределены по различным замкам и областям, а их общая численность более не превышала пару сотен.

Положение о конной службе, определявшей исполнение воинского долга вассалами, основывалось на устаревших правилах, которые обязывали к ее несению слишком малое число годных к военной службе немцев. Тем не менее конные вассалы в силу способности быстро прибывать к назначенному месту и ощущения своего призвания к защите края, несмотря на малочисленность, являлись важнейшей ударной силой Лифляндии. Однако с военной точки зрения решающее значение имели наемники, чья боеспособность целиком зависела от размера их вознаграждения, но на наем большого контингента ландскнехтов, как и на содержание уже нанятых, денег всегда не хватало. В этом же крылась и главная причина катастрофической разобщенности.

Кроме этих немецких оборонительных сил имелись также довольно крупные по своей численности отряды из латышских и эстляндских крестьян, в которых свободные крестьяне несли службу в конном, а остальные в пешем порядке. Последних было, естественно, большинство, и их можно назвать ополчением. Огнестрельного оружия они не имели и сражались хотя и храбро, но без какой-либо предварительной подготовки, поскольку в мирное время ношение оружия им было запрещено.

Положение, помимо нехватки вооружения, усугублялось отсутствием единства в крае. Не было решимости, и ощущался явный недостаток авторитетных людей, способных повести за собой широкие массы.

После первых сражений в начале 1558 года лифляндцы, ценой невероятных усилий и набрав кредитов, собрали требуемую русским царем сумму. Однако мир купить было уже невозможно. Царь отклонил все мирные предложения и 11 мая 1558 года взял орденскую крепость Нарву, которую орден ввиду отсутствия подкреплений и возникших пожаров удержать не смог. 29 же июня в Дорпатском епископстве, несмотря на руководимую Юргеном Икскулем героическую шестинедельную оборону, под давлением взбунтовавшихся наемников пришлось сдать неприятелю пограничный епископский замок Нейхаузен.

Еще чуть позже, а именно 18 июля, без вынужденных причин из-за отсутствия мужества и предательства епископа, а также граждан города противнику был передан Дорпат. С его захватом русские заняли великолепную стратегическую позицию, и многие оборонительные сооружения сдались практически без боя. Когда же в январе 1559 года русские вступили на земли архиепископства, то архиепископские вассалы попытались дать неприятелю отпор, но были разбиты, а их предводитель Фелькерзамб пал в бою.

Затем благодаря посредничеству Дании, а также сосредоточению внимания русского царя в другом месте было заключено перемирие на полгода, но уже в 1560 году нападения русских возобновились. В результате произошел ряд решающих сражений – в феврале почти без сопротивления орден потерял комтурство Мариенбург, а в августе в битве под Эрмесом¹³⁶ был уничтожен введомый ландмаршалом главный отряд орденского войска. Затем пал замок Феллин.

Под Эрмесом состоялось последнее вооруженное сопротивление ордена в открытом бою. Вместе с отрядами вассалов он храбро и с честью пал под ударами превосходящих сил противника, однако не исключено, что несчастье произошло вследствие неправильного руководства войсками. Многие феодалы ордена пали в бою или попали в плен, а их вассалы разделили участь своих сюзеренов. Среди пленников оказался и ландмаршал ордена Филипп Шалль фон Белль. Это был гордый и энергичный человек, которого позднее вместе с другими пленными братьями-рыцарями казнили в Москве.

Особо следует сказать об уже упоминавшемся выше замке Феллин, который вместе с его многочисленными пушками и богатыми припасами без боя сдали русским взбунтовавшиеся наемники. Находившийся в нем престарелый магистр Фюрстенберг попал в плен, в котором он и умер, не потеряв своего достоинства. Знати же он показал на своем примере, как следует честно и благородно держаться в любых обстоятельствах, отклонив в плену предложение русского царя присягнуть ему на верность и вернуться после этого в Лифляндию в прежней должности. Его совесть не позволила нарушить присягу, которую он принес в свое время Священной Римской империи.

Русским так и не удалось взять крепость Вейсенштейн¹³⁷, обороной которой руководил двадцатипятилетний штатгальтер Гаспар фон Олденбокум – один из самых храбрых и верных последних рыцарей ордена. Без всякой надежды на снятие осады он, подавая пример стойко-

¹³⁶ **Битва под Эрмесом** произошла 2 августа 1560 г. в ходе Ливонской войны между войсками Ливонской конфедерации (330 всадников), с одной стороны, и авангардом русских войск (12 000 всадников) – с другой примерно в 16 км от замка Эрмес (ныне Эргеме в Латвии), который находится у современной латвийско-эстонской границы недалеко от города Валга.

¹³⁷ Крепость была взята русскими войсками 1 января 1573 г.

сти, командовал так умело, что намного превосходящим силам русских в конце концов пришлось отойти.

Осенью 1560 года восстали эстляндские крестьяне в Хартю. Они избрали кузнеца своим королем и направили послов в Ревальский совет, который их выслушал и посоветовал закончить дело миром. Однако крестьяне отказались подчиняться своим помещикам и разрушили множество усадеб. Восстание, охватившее также Вик и стоившее многим немцам жизни, удалось потопить в крови только в середине октября. Все его предводители были убиты.

Уже упоминавшийся магистр Фюрстенберг надеялся на Данию, а коадьютор Готхард Кетлер, бесцеремонно настаивавший на освобождении Фюрстенберга от должности и сменивший в 1559 году магистра на его посту, работал на Польшу. Для Кетлера определяющими были два обстоятельства – здоровое понимание того, что реальную помощь можно ожидать только оттуда, и честолюбивая надежда на то, что Польша поможет ему превратить всю Лифляндию в его светское герцогство. Поляки долго проявляли сдержанность, заставляя время работать на себя, и их дипломатия была направлена на то, чтобы сделать Лифляндию более уступчивой, для чего они предлагали разные планы своей поддержки.

Кетлер и архиепископ, для того чтобы получить от Польши гарантии в помощи, были вынуждены передать полякам в залог ряд важных замков. Затем в залоге оказалось еще несколько крепостей. В результате, так и не оказав действенной помощи, в конце 1560 года поляки хозяйничали даже в замке Венден. При этом польские воины, представляя собой пеструю смесь из восточных народов, среди которых были и татары, вели себя по-варварски и довольно странно, вскоре превратившись вместо помощи в настоящее бедствие. Уже в октябре 1560 года архиепископ Вильгельм отмечал, что поляки ничуть не лучше татар. В то же время русские продолжали удерживать Вирланд и Дорпатское епископство.

В таких условиях Реваль, а также рыцари из Вирланда и Хартю в начале июня 1561 года предпочли присягнуть шведскому королю Эриху XIV, получив от него 2 августа королевские привилегии, признававшие в городе и деревне прежние права и свободы. В связи с этим нельзя не сказать о том, что еще при первом вторжении русских в 1558 году шведские крестьяне, жившие на побережье Северной Эстляндии, вымолили помощь у шведов, а летом того же года направили двух делегатов от эзельских крестьян к финляндскому герцогу¹³⁸ Юхану¹³⁹.

Какова же была позиция Священной Римской империи германской нации?¹⁴⁰ Многого от нее ожидать не приходилось, хотя обязанность по оказанию помощи отдаленному члену империи никто в ней с себя не снимал. Генеральные мандаты империи запрещали поставку Москве оружия и боеприпасов. Соседним с Лифляндией государствам были разосланы призывы оказывать ей поддержку, а русского царя письменно предупредили о последствиях нападения и даже приняли решение о выплате ливонцам денежной помощи, которая, правда, так и не была оказана. Да это и понятно, ведь интересы императора находились на юго-востоке. Один из военных советников из числа ближайшего окружения императора Священной Римской империи Фердинанда I весной 1561 года обратил внимание Габсбурга на то, что его величество может подпасть под подозрение в измене, если будет действовать в интересах отдельного государства, а не империи в целом. Тот же советник посоветовал ему обратить свой взор на Венгрию, а о Лифляндии забыть. В результате император издал не одну сотню письменных указов относительно Лифляндии, но ничего реально действенного не предпринял.

¹³⁸ Финляндское герцогство, или Финляндское княжество, – политическое образование в составе Швеции с конца XIII по начало XVII в. со столицей в городе Або. Территория герцогства соответствовала современной юго-западной Финляндии.

¹³⁹ Юхан III (1537–1592) – наследственный герцог Финляндии, а 1568 по 1592 г. шведский король.

¹⁴⁰ Священная Римская империя германской нации – название Священной Римской империи с 1512 г., существовавшей по 1806 г. и представлявшей собой надгосударственный союз итальянских, немецких, балканских, франкских и западнославянских государств и народов.

Из всех имперских правителей с реальной помощью поспешил только один – связанный семейными интересами с Лифляндией герцог Мекленбургский. При этом опасность осознавали только на востоке империи, точнее, правители балтийских государств. Однако Любек, с которым торговые и политические отношения лифляндских городов были весьма напряженными, не желал портить контакты с русскими и занял сдержанную позицию, что говорило о том, что некогда славившееся на весь мир ганзейское единство практически перестало существовать. В такой ситуации империя предпочла отмолчаться и реальную помощь Лифляндии не оказала.

Тогда 28 ноября 1561 года магистр ордена вместе с представителями орденских вассалов и небольших орденских городов, а также архиепископ Вильгельм встретились в Вильно с поляками и пришли к соглашению, согласно которому Готхард Кетлер смог как польско-литовский вассал спасти для себя лишь области ордена южнее Западной Двины в качестве наследного Польского герцогства и стал в Лифляндии «герцогом Курляндии и Семигалии», тогда как большая часть областей ордена – «задвинская Лифляндия», то есть земли, располагавшиеся севернее Западной Двины, включая территорию архиепископства, отходила непосредственно польско-литовскому государству. Присоединение последней завершилось после подчинения этому решению архиепископского дворянства в марте 1562 года.

Выйти из состава империи оказалось для лифляндцев делом нелегким. Поскольку империя вряд ли добровольно согласилась бы на такое перед покорением лифляндцев, то после этого они решили сделать упор на то, что сделать такой шаг их вынудили внешние обстоятельства. Поэтому в тексте договора, о котором будет сказано отдельно, польский король предусмотрительно позаботился о том, чтобы данное действие не выглядело ни как изгнание из империи, ни как унижение чьего-либо достоинства.

Политическое раздробление старой Лифляндии было полным. В ней обосновались все ее соседи без исключения. Помимо Швеции, Москвы и Польши, жирный кусок отхватило себе Прусское герцогство, захватившее в качестве залога орденский город Гробин вместе с рыбацким портом Либау, а также Дания, чей король Фредерик II в 1559 году купил Эзель-Викское и Курляндское (монастырь Пильтен) епископства для своего брата, герцога Магнуса Гольштейнского. Этот герцог, начав свое правление как ставленник Дании, превратился затем в важный инструмент русской политики в отношении Лифляндии.

Не покорилась только Рига, которая в течение двадцати лет сохраняла своеобразный статус независимого города Священной Римской империи германской нации. Его бургомистр Юрген Падель сделал 19 сентября 1561 года в памятной книге магистрата запись, шокировавшую горожан, поскольку в ней речь шла о том, что город оторвали от Священной Римской империи германской нации и бросили на поругание варваров, которые никогда не относились к немцам с добром, но немцы, несмотря на русскую угрозу и всеобщую разруху, будут и впредь хранить верность своему императору.

Конечно, Фердинанд I и Максимилиан II сохраняли связи с Ригой, как, впрочем, и с подпавшим под шведское владычество Ревалем. При этом Рига стремилась к приданию ей в империи официального статуса независимого города, что было прямо записано в памятной книге старшины Большой гильдии в 1571 году. В результате 9 апреля 1576 года император Максимилиан II в специальной грамоте с красной печатью признал за Ригой права имперского города. Это были такие же права, какими Данциг обладал с 1457 года. Однако от участия остальной части края Риге уйти не удалось – в январе 1581 года ее заставил присягнуть на верность король Стефан Баторий¹⁴¹, который занял город в марте следующего года.

¹⁴¹ **Баторий** Стефан (1533–1586) – король Польский и великий князь Литовский, сын воеводы Трансильвании Иштвана IV.

Современники произошедшей катастрофы восприняли ее как Божью кару за свои грехи и безропотно встретили обрушавшиеся на них несчастья. Это хорошо было изложено в знаменитых «Хрониках провинции Ливонии», написанных ревальским пастором Бальтазаром Руссовом в 1578 году. Но эти же «Хроники» явились также обличительной речью проповедника покаяния, обвинившего позабывших о своем долге лифляндцев в беспутстве и бездумном прожигании жизни. И этот голос не был единственным. В унисон ему звучали другие описания происходивших тогда событий, благодаря которым мы можем в полной мере почувствовать страдания жителей от обрушившегося на них несчастья.

Вполне вероятно, что эти описания явились не только и не столько констатацией навалившейся на лифляндцев беды, сколько передачей охвативших их мук совести, что было как раз в духе того времени, характеризовавшегося теми переменами, какие принесла с собой Реформация. Те ужасы, какие принесли с собой военные годы, жители не могли воспринимать иначе чем кару, и все они, без всякого сомнения, испытывали чувство вины за то, что в мирное время жили в изобилии и праздности.

То жуткое и кровавое время, когда рушился привычный порядок, напомнило лифляндцам об их грехах и о временах пришествия Христа. Не случайно из развалин протестантской церкви, располагавшейся недалеко от бывшего орденского замка Розиттен в Восточной Лифляндии и разрушение которой никто не в силах был предотвратить, временами доносились наводившие ужас и священный трепет звуки «Лифляндской песни мертвых» (1584), этой мольбы усопших о спасении набожных людей на Божьем Страшном суде.

Роль Лифляндии и Эстляндии на Балтийском море в 1561–1710 годах. Курляндское герцогство в 1561–1795 годах

Борьба за господство в Прибалтике. Значение Нарвы

В результате крушения Лифляндия превратилась в игрушку в руках различных воинских отрядов, на протяжении четверти века высасывавших из края последние силы. Страна, которой Германский орден в известном смысле слова придал политическую самостоятельность, внезапно попала в дикий водоворот, оказавшись в центре важнейших событий того времени, имевших поистине историческое значение.

Так называемый «балтийский вопрос» перерос в борьбу за Прибалтику, начало которой положила вспыхнувшая в 1563 году семилетняя война между Швецией и Данией за установление господства в Балтийском море, в том числе и над Лифляндией. За нее уже давно шел спор между Польшей, Швецией и Москвой, а еще раньше он возник между Польшей и Швецией. Ведь Лифляндия, с ее портами, торговыми ярмарками и излишками зерна, для каждого превращавшегося в современную державу государства приобрела совершенно новое значение. Понятие «гегемония на Балтике», подразумевавшее ранее контроль над морскими путями, приобрело для Швеции с 1563 года несколько иное значение и стало подразумевать монопольное «господство на море».

В данном противоборстве длительное время речь шла о торговых путях через Нарву. Этим речным портом, располагавшимся вблизи моря, с мая 1558 года владели русские. Из него открывался прямой торговый путь в Московию, что составляло огромную конкуренцию остальным лифляндским гаваням. К тому же путь через Балтийское море давал большие преимущества по сравнению с открытым англичанами Северным морским путем через Белое море.

Русский царь, хорошо понимавший значение гавани на Балтике для Руси, пригласил в Нарву различных иностранных купцов, предоставив им полную свободу в ведении торговли. В свою очередь шведы пытались всевозможными средствами перекрыть торговый путь через Нарву. Однако, несмотря на предпринимаемые ими усилия, в 1560-х годах корабли всех наций, и в первую очередь английские, продолжали приходить в этот порт. (В то время англичане предпочитали пользоваться более коротким путем, но потом снова вернулись к менее политически обремененному Северному морскому пути.) Данная гавань привлекала также немецкие, голландские, датские и французские корабли. Пока ей владели русские (до сентября 1581 года), Балтийское море бороздили также построенные и ведомые англичанами русские морские суда.

В Штеттинском мире от 1570 года, положившем конец войне между Швецией и Данией, для обеспечения безопасности Священной Римской империи германской нации выступивший в качестве посредника император хотел ограничить свободный проезд через Нарву. Однако на содержащиеся в документе запреты на поставку русским военной продукции практически никто не обращал внимания. Не соблюдалось также и другое положение договора, в котором значилось требование «кайзера и империи как неоспоримых прямых владельцев лифляндской провинции» к Швеции. Оно подразумевало согласие шведов на передачу империи за компенсацию всех их владений в Лифляндии, которая, «признаваемая единственным хозяином» края, в свою очередь передаст эти земли (за исключением города и замка Реваль, а также замка Вейсенштейн) «под защиту и протекцию» короля Дании. Решения так и не были выполнены из-за того, что в империи их серьезно не воспринимали, да и требуемую сумму собрать не смогли.

Это был последний раз, когда старая империя заявила о своих политических притязаниях на Лифляндию. В 1577 году, воспользовавшись тем, что денежная компенсация от императора не поступила, шведский король Юхан III объявил эти притязания прекращенными.

В те годы имперские чины¹⁴² похоронили еще один важный план – предложение пфальц-графа¹⁴³ графа Фельденцского Георга Ганса, который приходился зятем Густаву Вазе¹⁴⁴, о создании Балтийского флота и назначении его адмиралом этого флота для упрочения позиций Священной Римской империи в Балтийском море. Речь, без сомнения, шла о восстановлении господства империи в Пруссии и Лифляндии, но для осуществления такого плана, как, впрочем, вообще для проведения политики с позиции силы необходимые условия в империи полностью отсутствовали.

В то же время Иван IV, который в продолжение прежней русской завоевательной политики обосновывал свое стремление к обладанию Лифляндией тезисом о том, что она является «коренным владением правящего царского дома», напрасно пытался внушить обоим последним магистрам Ливонского ордена Фюрстенбергу и Кетлеру мысль о необходимости признания верховенства Русского государства. А вот у уже упоминавшегося герцога Магнуса Гольштейнского, так называемого епископа Эзель-Викского и Курляндского, он добился гораздо большего успеха, передав ему соответствующее предложение через двух склонившихся во время пребывания в плену к службе в интересах Руси лифляндских дворян.

Суть этого предложения сводилась к тому, что Лифляндия должна была предоставить в распоряжение Руси свое войско и выплачивать дань. Взамен ей гарантировалось сохранение лютеранского вероисповедания, всех старых прав и обычаев, а также беспрепятственное осуществление торговли. При этом штатгальтером планировалось назначить Магнуса как русского подданного, признавшего верховную власть царя. В 1570 году в Москве Магнуса провозгласили царским вассалом и королем Лифляндии, а вскоре после этого, точнее, в 1573 году в Новгороде он женился на двоюродной племяннице Ивана Грозного Марии Владимировне.

Во время подписания Штеттинского мира датчане отказались от Магнуса, которому его брат, датский король Фредерик II, первоначально предназначал большую роль в осуществлении своей державной политики. Он оказался настоящим авантюристом, тщеславным, ни на что не способным и слабым человеком, который все же сыграл в Лифляндии определенную роль, но показал себя как ненадежный правитель, так и не найдя себе серьезных сторонников. В частности, Реваль и Вейсенштейн храбро заявили о его неприятии, но это не помогло – распад разорвал старые связи, война принесла с собой разруху и оставила людей без крыши над головой, а социальное и религиозное брожение поставило под вопрос малейший порядок. Потерявшие средства к существованию люди из всех сословий, особенно привыкшие обращаться с оружием дворяне, собирались в банды авантюристов, свирепствовавших повсюду и продававших себя тем, кто больше предложит за их услуги. Немецкие наемники воевали практически везде. Эти «лифляндские придворные» потянулись вслед за Магнусом, чьи вербовщики не устали повторять, что он является «немецким королем».

Если в 1560-х годах русские терпели поражения – в 1564 году русский Дорпатский воевода князь Андрей Курбский был даже вынужден бежать через Вольмар в Польшу, – то когда в 1572 и 1577 годах Иван Грозный лично прибывал в Лифляндию, начинали одерживать серьез-

¹⁴² **Имперские чины**, или имперские сословия, – в Священной Римской империи юридические или физические лица, находившиеся в непосредственном подчинении императору, а не земельному властителю и обладавшие местом и голосом в рейхстаге. К ним принадлежали курфюрсты, герцоги, князья, маркграфы, графы, бароны и имперские города.

¹⁴³ **Пфальцграф** – в раннем Средневековье так называли управляющего дворцом короля в период отсутствия в нем правящего монарха. В Священной Римской империи в течение XII века должность пфальцграфа стала наследственной, а сам пфальцграф превратился во владетельного князя, вассала императора Священной Римской империи.

¹⁴⁴ **Густав Ваза**, или Густав I (1496–1560), – регент Шведского королевства с 23 августа 1521 г. и король Швеции с 6 июня 1523 г.

ные победы. При этом Реваль, последний оплот на севере края, смог выдержать осаду русских с января по март 1577 года, что явилось для города вторым тяжелейшим испытанием, ведь за шесть лет до этого его жители пережили почти пятимесячную блокаду. Тем не менее, по свидетельствам современников, никто из них не дрогнул, и все они выглядели бодрыми и свежими. Периодически предпринимая атаки, город умело и хладнокровно защищали представители всех сословий. В результате после шестинедельного обстрела русские отступили.

Среди тех, кто продолжил преследование русских, был и крестьянский предводитель, сын ревальского чеканщика монет из немцев Иво Шенкенберг. Он сколотил из эстляндских крестьян военный отряд, обучил его на германский манер и начал вести партизанскую войну. Благодаря смелым и хитрым действиям, а также многочисленным победам его хоругвь быстро стала известной, а сам он, заслужив прозвище Ганнибал¹⁴⁵ Эстляндии, сражался до тех пор, пока не попал в руки к русским, которые его казнили.

Смелое самоутверждение Ревалю, о котором с похвалой отзывался и король Максимилиан II, имело огромное значение, поскольку вся остальная территория края, за исключением Риги, Курляндии и островов, была объята пламенем войны, которую вели превосходящие силы русских, сея смерть и разрушение. В этой связи примечательными являются слова неизвестного автора одной из прокламаций того времени, в которой говорилось: «Я верю, что в будущем никогда более не услышу подобных ужасных стенаний и предсмертных криков немцев».

Больше и чаще всего страдать приходилось жителям епископства и города Дорпата – еще в 1565 году все немецкое городское население было насильственно переселено вглубь Руси. Таковую же участь разделили и тысячи немцев, леттов и эстов в других областях Лифляндии. Правда, в 1569 году дорпатцам разрешили вернуться домой.

В июле 1575 года русские захватили Пернау, впервые взяв балтийский порт, относившийся к Ганзейскому союзу, а 6 сентября 1577 года после пятидневной осады гарнизон замка Венден взорвал себя вместе с нашедшими в нем убежище женщинами и детьми, запалив пороховой погреб после всеобщей вечерней молитвы.

Тем временем Магнус, устранившись от опалы грозного московского царя, решил примкнуть к полякам, но был еще перед падением Вендена им помилован. Однако уже в начале следующего года Магнус окончательно бросил царскую службу и обосновался в своем монастыре Пильтен, оставив всяческие притязания на более серьезную роль в политической жизни края.

Господство русских над Лифляндией было сброшено в результате шведских и польских побед. В 1580 и 1581 годах полководец Понтус Делагардивернул Швеции Эстляндию и завоевал Ингерманландию¹⁴⁶, что было закреплено в договоре о перемирии, заключенном на реке Плюсса под Нарвой в августе 1583 года.

После присоединения в 1582 году викского рыцарства из четырех эстляндских областей Харью, Вирланд, Ервен и Вик в 1584 году было образовано шведское герцогство Эстен. Однако после новой войны Швеция потеряла Ингерманландию, но сохранила Эстляндию (согласно мирному договору от 18 мая 1595 года, заключенному в Тявзино¹⁴⁷ недалеко от Нарвы).

Вытеснение московитов из Лифляндии стало возможным благодаря тому обстоятельству, что во время войны с Москвой польская политика вновь сосредоточилась на противостоянии

¹⁴⁵ По аналогии с карфагенским полководцем Ганнибалом (247-183 до н. э.), одним из величайших государственных деятелей древности.

¹⁴⁶ **Ингерманландия** – историческая область на северо-западе современной России. Располагается по берегам Невы и ограничивается Финским заливом, рекой Нарва и Чудским озером на западе, Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами и рекой Лава – на востоке. На севере она граничит с Карелией по рекам Сестра и Смородинка. Южная граница Ингерманландии проходит по среднему течению рек Оредеж и Луга.

¹⁴⁷ **Тявзино** – исчезнувшая деревня, находившаяся в XIV–XVI вв. в Ивангородском Окологородье Шелонской пятины на реке Нарве, ныне на территории Ивангорода.

Швеции. Еще Сигизмунд II Август, обосновавшись в Лифляндии, занял позицию, направленную как против московитов, так и окопавшихся в Эстляндии шведов, которые тоже одновременно с ним стали претендовать на Лифляндию. Сменивший же его уже упоминавшийся нами Стефан Баторий из Трансильвании, обладавший талантом правителя и будучи солдатом по натуре, все годы своего правления (1576–1586) проводил политику, целью которой являлось достижение победы над Москвой. И одним из главных направлений этой политики была борьба за Лифляндию.

Обеспечив себе тылы на Западе, он провел три военных похода против московитов. Однако полностью выполнить намеченную программу он не смог и 15 января 1582 года был вынужден заключить Ям-Запольский мирный договор. Тем не менее, по условиям этого мира, Баторий за возврат захваченных им во владениях Русского царства Великих Лук, Невеля, Заволчья, Холма и псковских пригородов добился отказа Ивана IV от Лифляндии.

Господство Польши в Лифляндии и Контрреформация

Польский король связал себя в Лифляндии обещаниями пойти на уступки, которые он дал представителям лифляндских сословий во время переговоров об утверждении своего господства. Среди них были делегаты орденских городов Пернау, Венден и Вольмар, а также представители орденской знати. Кроме того, через своего поверенного – принявшего кальвинизм князя Николая Радзивилла – такие же обещания он дал архиепископским рыцарям. При этом привилегии для архиепископской знати, гарантированные 1 марта 1562 года, мало чем отличались от тех, которые обычно давались только рыцарям ордена, поскольку 28 ноября 1561 года Сигизмунд II Август выдал одинаковые права всем лифляндским дворянам. С тех пор эти привилегии стали рассматриваться лифляндцами в качестве основного закона, и поэтому после установления уже русского господства они легли в основу договора, заключенного представителями ведущих сословий с завоевателями в 1710 году.

Это произойдет гораздо позже, а пока стоит подробнее рассмотреть документ, именованный «Привилегии Сигизмунда Августа». В целом они сводились к следующему: отправление богослужений по канонам лютеранского вероисповедания (статьи 1 и 2), гарантии сохранения власти немцев (немецкий магистрат) и германского права, кодификация¹⁴⁸ законов края (статья 4), обещание того, что государственные должности будут занимать только оседлые местные жители (право гражданства, статья 5), а кроме того, что будет создана местная апелляционная инстанция (статья 6). При этом примечательной является та решимость, с какой лифляндцы отстаивали свободу от любого религиозного притеснения, добившись включения в текст договора следующих слов: «Если вопреки всему такое неожиданно произойдет, то в таком случае, основываясь на Святом Писании, предписывающем слушаться в первую очередь Бога, а не человека, мы все равно сохраним верность нашей вере и принятым у нас обычаям в отправлении богослужений и никогда не отступим от этого». В отдельной статье (12) польский король брал на себя обязательство защищать край всеми объединенными вооруженными силами Польши и Литвы от московитов и других врагов.

В остальном привилегии Сигизмунда II Августа целиком и полностью отвечали социальным и экономическим требованиям знати и соответствовали духу того времени. Однако они могли быть осуществлены только в результате отказа лифляндцев от всех прежних обязательств, чего Сигизмунду и удалось добиться в ходе переговоров об утверждении своего господства в крае.

Феодалы ордена получили такие же права, что и высшие слои ленников Харту и Вирланда, а также архиепископских вассалов. Это касалось в первую очередь вопросов наделения леном, права наследования ленных поместий по женской линии (статьи 7 и 10), а также гарантирования сюзеренного права вершить суд над своими крестьянами как высшего права (статья 24).

Эти привилегии как две капли воды походили на те, которые были приняты в Пруссии. Однако в Лифляндии возникали проблемы, связанные с особенностью польско-литовских отношений. Поскольку польский сейм покорения Лифляндии не принял, то король, как и предусматривалось еще в 1561 году, присоединил ее к Великому княжеству Литовскому. Поэтому в декабре 1566 года лифляндский ландтаг в Вендене принял решение об объединении Лифляндии с Литвой (Гродненская уния от 26 декабря 1566 года). После этого край получил статус герцогства и герб в виде грифа, взятого из фамильного герба новоназначенного штатгальтера Ходкевича.

¹⁴⁸ **Кодификация** закона – деятельность, направленная на создание объединенного и упорядоченного свода всех законов, который бы заменял все предшествующие в систематической и усовершенствованной форме.

Гродненская уния наряду с другими положениями содержала повтор прав, предоставляемых Лифляндии, а именно: сохранение лютеранского вероисповедания, власти немцев и особенно немецкого государственного языка (статья 13). При этом право гражданства было выражено словами, исключавшими любую двусмысленность: «Поскольку по своему происхождению почти все жители Лифляндии являются немцами, привыкшими к языку, обычаям, управлению и законам своей родины, то должности в судебных инстанциях, муниципалитетах и администрациях замков никто не сможет исполнять лучше местных граждан. Поэтому будет справедливо сохранить в Лифляндии власть местных граждан и немцев».

Вследствие этой унии с Литвой Лифляндия, естественно, оказалась втянутой в государственные отношения объединенного польско-литовского государства. Это было просто неизбежно, особенно после решения Люблинского сейма в 1569 году¹⁴⁹ о ликвидации собственных прав Западной Пруссии и превращения ее в польскую провинцию.

Пруссия и Лифляндия на короткое время были поставлены в одинаковые условия и подверглись похожему давлению. Еще в 1563 году король Сигизмунд II Август высказывался о внутреннем родстве обеих территорий – Пруссия походила на соседнюю с ней Лифляндию в языковом отношении, возведенными там укреплениями, экономическими связями, портами, плодородными сельскохозяйственными угодьями, образом жизни жителей, обычаями и, наконец, самой системой территориального управления. Внешнее сходство в судьбе этих столь по-разному развивавшихся половинок Германского ордена явилось просто поразительным – в обоих созданных последними магистрами ленных герцогствах, Пруссии и Курляндии, несмотря на все различия, была сохранена сильная немецкая государственная основа; богатый город Данциг на юге, так же как и Рига на севере, пошли своим путем, и тот и другой край, правда при различных условиях, превратились в часть Польши, сохранив свои права. Теперь же в отношении их стала проводиться одинаковая политика насильственной унификации.

Если в начале королевским штатгальтером Лифляндии был герцог Готхард Кетлер, то с 1566 года им стал великий маршал литовский Ян Ходкевич (тогда еще исповедовавший кальвинизм), перед которым стояла задача секуляризировать архиепископство и осуществить слияние Лифляндии с Литвой. Поскольку последний архиепископ маркграф Вильгельм умер в 1563 году, то это способствовало проведению в 1566 году секуляризации Рижского архиепископства, намечавшейся еще за несколько десятилетий до этого. При этом опора на поляков, естественно, приводила к усилению их влияния.

В результате, по дошедшим до нас сведениям, уже зимой 1568/69 года архиепископские рыцари стали предпринимать отчаянные шаги по противодействию полякам, стараясь привлечь помощь из Пруссии, Мекленбурга и даже из Руси. Между тем война буквально пожирала Лифляндию. После же заключения мира с Москвой в 1582 году в Риге объявился Стефан Баторий и, совершенно не разбираясь в правовых вопросах, холодно отверг все жалобы. В том же году был выпущен конституционный закон («Конституция Ливонии»), по которому протестантское вероисповедание в Лифляндии ставилось на второе место после католического, а сам край стал делиться по польскому образцу на три части (преобразованные в 1598 году в Венденское, Дорпатское и Пернавское воеводства), а те, в свою очередь, на поветы (уезды). Старостами в них становились поляки, литовцы и лифляндцы, что на деле означало прекращение действия «Привилегий Сигизмунда Августа», а в 1589 году по новому закону («Ливонской ординации 1589 года»)¹⁵⁰

¹⁴⁹ На польско-литовском сейме, заседавшем с января по август 1569 г. недалеко от Люблина, была принята так называемая Люблинская уния – соглашение об объединении Королевства Польского и Великого княжества Литовского в единое федеративное государство.

¹⁵⁰ «Ливонская ординация 1589 г.» – основной закон Лифляндского герцогства, принятый при польском короле Сигизмунде III Вазе, который закрывал немецким дворянам доступ на должность старост, объявлял незаконными лены, полученные ими от последнего рижского архиепископа, и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.